

В настоящем сборнике собраны стихотворения разных лет Беспалова Виталия Борисовича, подобранные по определенной тематике. Виталий Борисович – дончанин. Образование техническое. Шахтер с тридцатилетним подземным стажем. Работал на разных должностях на донецкой шахте им. А. Ф. Засядько. Печатался в периодических изданиях: газете «Скифы», газете «Вечерний Донецк»,

газете «Громадская правда», В многотиражной газете «За передовую шахту». Издавался в коллективном сборнике «Первый горизонт» РИО Донецкого управления по печати. Как представитель Украины, участвовал в международном поэтическом турнире «Мы все прекрасны незаслуженно». По итогам конкурса его стихотворение напечатано в одноименном международном сборнике в г. Дюссельдорфе, Германия. Награжден дипломом за второе место в национальном конкурсе на лучшее журналистское расследование и авторскую публикацию в противодействие коррупции за 2008 год. Переводит поэзию украинских авторов на русский язык. Издал книгу переводов украинской поэтессы Олены Тэлиги.

Настоящий сборник – первая персональная работа автора.

Виталий Беспалов

СЕКРЕТ ВЕРНОСТИ

СТИХОТВОРЕНИЯ

СЕКРЕТ ВЕРНОСТИ

Секрет верности

Стихотворения,
Поэма.

Норд – Пресс
Донецк - 2009

.....
.....
.....

Секрет верности

.....
Норд – Пресс, 2009 стр

.....
.....

В дизайне обложки использованы фотографии,
выбранные автором, как отвечающие теме и сути
книги.

Письма, адресованные автору, направлять на электронную
Почту bespalov.vitalii@mail.ru

Я с тобою не буду
седым стариком.
Буду мальчиком
белоголовым.

Расул Гамзатов.

Секрет верности

Ни для кого.
Есть только ты одна.
Ни для кого.
Только тебе и сразу.
Бесценны ценности:
И полная луна,
И это море, сколько видно глазу,
И этот в гальке шевелящийся прибой,
И дождь, и ночь, принеся прохладу.
Бесценны в сущности и вечны.
Но любой,
Самый дождливый день, когда ты рядом,
Реально может заменить собой
Неделю солнца, отдыха и скуки.
И одиночества...
Когда не могут руки
Почувствовать тепло твоей руки.
Неделю праздности, неделю вопреки
Моим желаниям, потребностям в тебе,
Неделю, проведенную в борьбе
С самим собой.
Ведь что мы, люди? – Грешны!
Слабы, зависимы, ранимы.
Безуспешно
Пытался нас создавший в нас вложить
Крупницы мудрости и пониманья сути.
Ему подобные, как куклы на батуте,
Попрыгав, тычемся подобным ликом в грязь.

Потом, остепенившись, набродясь,
Найдя в переплетении событий
Ядро рационального зерна,
Смысл и гармонию, где переплетена
К добро несущим не по праву злора,
К творящим черное, не по заслугам честь,
Льстим самолюбю.
И сладка эта лесть.
А разъедает, будто кислота!
И тяжесть совести нам тяжестью креста
Неловкой гранью вдавливают плечи.
А говорят еще, что время лечит...
Залечивает, правда, это есть.
Блажен, кто искренен.
Блага благая весть.
И пребываем в благости и неге.
Блажен, кто искренен!
Кто в бесконечном беге
Сменяющих друг друга перемен
Стабилен в принципе,
Не требует взамен
За то, что дал, каких -либо наград.
То, что ему при встрече кто – то рад,
То, что его, конечно, где – то ждут.
Что есть тепло, надежность и уют,
Где после грохота блаженна тишина.
Где никого.
Где только ты одна!

Опять приснилась!
Что это такое?
Как наваждение... давно пора забыть.
Не забывается.
И трогает рукою,
И шепчет ласково,
И можно пригубить
Тепло дыхания, поссориться, вернуться.
Просить прощения, и в запахе волос
Растаять, раствориться, задохнуться!
Едва коснуться, чтобы вдруг отозвалось
Тем напряжением, той терпкостью, той силой,
Которая первична.
Все потом...
Чтобы металась, закричала, укусила!
Чтобы уличенный и в грешном, и святом,
Я, распыленный в пустоте Вселенной,
В полуреальности и на границе сна,
Не сомневался, что любовь нетленна,
Что все мы вечные, что эта пелена
Только на время нам закрыла очи.
Что будем счастливы, и вместе, и еще,
Что кто – то может быть на свете непорочным.
И незапятнанным.
Что хитрость и расчет
Не обязательно присутствуют повсюду.
Не обязательно под спуд и в сундуки
Все закрывается, все складывают в груды.
Что может быть еще наградой взмах руки,

Или улыбка, или взгляд любимой.
Что можно, не кривя душой, сказать:
“Ты очень нужна мне. Ты мне необходима.
Я так устал уже. Меня твои глаза
Всюду разыскивают, спрашивают всюду.
Дождливой осенью, зимою, по весне.
То, что я твой. Всегда им был и буду,
И днем, и в сумерках, в беспамятстве, во сне...”
Опять приснилась!

Сухая осень.
Листья, будто гости,
Собрались у дороги на пикник.
И свежий ветер набирает в горсти
Шуршащих их, и гонит напрямик,
Сминая, перепутывая, пряча.
И так светло...
И луч еще горячий
Сквозь чашу веток золотит лицо.
Но ведь октябрь уже, в конце концов!
И мы должны быть более степенны.
Уже и волны с гребешками белой пены
Не так настойчивы,
И им потерян счет.
Но мы не успокоились еще.
Как раньше, продолжаем суетиться.
Не думаем, что все предрешено.
Не верим, что удача, как пшено,
Сквозь щели между пальцев прочь струится.
На вечеринке скучной и хмельной,
Охваченные мыслью озорной,
Пытаемся шуметь и веселиться.
И шелестеть.
Но полно-те,
Давно
Уже октябрь.
Царапает окно
Безлистный клен, уставший и печальный.
И не логичен, глупый изначально

Любой порыв, когда надежней пут
Нам на ноги свинцом легла усталость.
Когда шальные мысли в даль влекут.
Но силы кончились.
И только что осталось,
Лежать меж теми, что втоптались в пыль.
Или горят.
И серый, как ковыль,
Чернеет пепел на задворках сада.
Когда никто не рад.
Когда не рада
Сама земля.
Зачем ты ей сейчас?
Чтобы украсить разноцветной парой фраз?
И пробудить потребность быть красивой?
Сверкнув искрою непутевых глаз
Привлечь, обнять, никчемный и трусливый,
Потом уйти?
Да лучше бы весна
Не приходила!
Лучше бы она
Осталась в памяти, где месяц быстр, как час.
А я замерз.
Мне холодно сейчас.
Согреть бы руки у костра в сторонке.
Но не уютно здесь, на самой кромке.
Хотелось праздника, собрался на пикник,
Но все напутал ветер, озорник.

Сложилось так, что не сложилось...
И не событие, пустяк.
Но мокрая листва ложилась
На мостовую.
И костяк
Свой обнаженный тополь прятал
В желто – зеленой гуще ив.
Не злой, не добрый, не ревнив.
Спокойный.
Может быть циничен?
В осенний дождь...
И безразличен
Ему печальный маскарад.
И безразлично, что не рад
Дождю никто сейчас вокруг.
Ведь не случайно дождь? Не вдруг?
Все не случайно...
Что же с главным?
С любовью, что прошла недавно,
Как налетевший листопад?
Что, будто черенки лопат,
Сухие ветки смотрят в небо,
Что будто никогда и не был
Успех, массив листвы густой?
Что некому сказать: постой,
Остановись,
Дороже всех
Обходится нам наша глупость.

Не постоянен твой успех.
И что старуха - осень скупость
Свою не в силах приглушить,
Все отняла теперь.
И шить
Нам новое навряд-ли нужно.
Еще не дует ветер южный,
А в зиму лучше холостым?
Что все забывчивы, что дым
Густой и теплый, будто вата,
Уносит, что имел когда-то?
И что понятно то, что нить
Твоей судьбы, увы, прерывна?
Что некого в дожде винить,
Что будто на волне приливной
Взобрался наверх, но вода
Сошла, и долгие года
Теперь барахтаешься в луже?
Что серой тенью осень кружит,
Как будто так всегда кружилась?
И что сложилось, не сложилось..?

Решилось все само собой.
Так иногда бывает.
Редко...
Щербатый, в оспинах, рябой
В окошко за гардинной сеткой
Заглядывает диск луны.
Такой зовущий...
Вдоль спины
Проходит дрожь.
Луна немая,
А как зовет!
Я поднимаю
Лицо к окошку.
Я пою,
Я плачу?
Я не узнаю
Свой голос.
Это волчий вой?
Как будто гром над головой!
Вздыхаю.
Это только сон.
За шторой вечер.
Огорчен,
Напуган, сломлен, озадачен.
За шторой вечер, и утрачен
Не только смысл...
Не в унисон,
Не в ритме... будто колесом
Раздавлен, смят и размолочен.

Да, это сон, но как он прочен!
Как явно чувствуется боль,
Тоска, печаль, утрата близких.
Цветы, ограды, обелиски
В газонах с сорною травой.
И ветер, ветер! Тот же вой.
Похожий, ничего не скажешь.
Похожий... Ветру не прикажешь.
Он ветер, ветер сам собой.
Вот снег, вот бело – голубой
Мохнатый иней. Вот пустыня.
Вдыхаю воздух – берег...
Стынет
В фаянсе чай. Горька, горька
В стакане водка. Вот рука
Скользит по волосам, по лбу,
Горбинке носа...
Я гребу.
Плыву, плыву. Водоворот!
Вот дом, подъезд. Кто здесь живет?
Не знаю. Я опять уснул?
Шум голосов, упреки, гул.
И снова в волосах рука.
И слово горькое - «пока!»

Я без тебя умру!
Просто погаснут очи
Свечкою на ветру,
Искрою среди ночи.
Просто утратив страх,
Я поломаю крылья,
И, обращаясь в прах,
Перемешаюсь с пылью.
Просто замкнется круг.
Горсткой золы и тлена
Я затеряюсь вдруг
По уголкам Вселенной...

Был один на целом свете,
Но тебя случайно встретил
На такой большой планете.
Сколько нужно счастья?
Малость.
Ты прошла, ты улыбалась.
Не забыть минуты эти.
Можно только удивиться:
Не устало сердце биться,
Не устало сердце верить.
Появилась ты нежданно
В моей жизни окаянной,
А теперь стоишь у двери.
Надо этому случиться -
Безвозвратно время мчится.
Что любовь твою сгубило?
Ссоры – горькая отравка!
Ты права, а я не правый.
Пусть все будет так, как было.
Глупа эта грусть смешная.
Так живешь, а сам не знаешь
Где теряешь, где находишь.
Ты была моей судьбою,
Были счастливы с тобою,
А сегодня ты уходишь.

Кружится,
Все здесь кружится.
Мечется
В танце бешенном.
Крошевом,
Мелким крошевом...
Это движение меня заворожило!
Как же мне
К дому приблизиться,
Подлететь,
Пусть даже мертвому,
Подлететь,
Только нет сил уже
Даже упасть к ногам, звездой в небе сгорая...
Прочертить
Нитью густую тьму
В миг один,
Яркий, стремительный;
В миг один,
Чтобы вся жизнь прошла
В эту минуту,
В эту минуту,
В это мгновение.

Горною тропой, горною тропой,
Смеясь, сбегая к ручью
Зачерпнуть в горсти
Ледяной воды

Звонящим вечером поздним
Рядышком с тобой,
Рядышком с тобой
Я оказаться хочу.
Но как мне мешают горячие, яркие звезды!

Собрались к ночи на небе тучи.
Собрались к ночи над морем тучи.
И сам себе,
Я сам себе
Сегодня не рад.
Теперь я знаю, не станет лучше.
Теперь, уж точно,
Не будет лучше,
Когда попал
В орбиту утрат.

Лавиной снежною годы мчатся,
Лавиной к пропасти годы мчатся,
И время,
Будто
Звездный
Странник, летит.
А звезды смотрят так безучастно,
На нас из космоса безучастно
Глазами сфинксов
И кариатид.

Спрошу у лета, но нет ответа,
Спрошу у моря, но нет ответа,
Куда исчезла ты,
Куда, не пойму.
И как прожить мне на свете этом,
Теперь прожить мне на свете этом
Среди людей, совсем одному.

Стою, как путник на перепутье,
Случайный путник на перепутье.
Не знаю,
Как мне быть,
Куда повернуть.
А сердце просит:
Прошу, забудь ты;
А губы шепчут:
Прошу, забудь ты.
Приляг, усни, пора отдохнуть.

Забыть не в силах я эти руки,
Стереть из памяти эти руки.
Но невозможно жить
Вот так, на краю.
И как мне выдержать груз разлуки,
И как мне вынести боль разлуки,
Забыть тебя, утрату свою.

Спрошу у лета, но нет ответа,
Спрошу у моря, но нет ответа,
Куда исчезла ты,
Куда, не пойму.
И как прожить мне на свете этом,
Теперь прожить мне на свете этом,
Среди людей, совсем одному?

Все, что осмелилось родиться,
Не обязательно умрет!
Ни что не может вечно длиться.
Ни что не вечно, если льет
На плечи голые деревьев
Холодный дождик.
И не в счет
То, что не осень.
И сечет
Их в паре с ветром, в одночасье
Сорвав отжившую листву.
И все мы так...
Но естеству
Живому, существу, не должен
Альтернативой быть покой.
Ах, эта жизнь... и смерть!
Рекой
Сбегает время,
Между пальцев
Течет толпою у ворот.
Но вдруг людской водоворот
Задержит, повернет, столкнет
Лицом к лицу, отыщет взглядом.
И понесет, закружит рядом,
Начнет швырять и теребить.
Потом отпустит,
Даст забыть

Такой простой и легкий грех.
Мы только щепочки, из тех,
Которые и там и тут
Хитрят и мечутся, и лгут,
Смеясь, прощаются и стонут,
Потом отдельно канут в омут.

Но ты меня конечно, вспомнишь,
Когда, как в тихом доме мышь,
Вдруг заскребет на сердце.
С крыш
С капелью утро постучится –
Всплакнешь.
Тоскою просочится
Вновь нерешенность всех проблем.
И среди тех, кто глух и нем,
Гордится выправкой спортивной,
Ты станешь вдруг себе противной.
Все плохо – дом, друзья, семья.
Так знай, что это буду я
Скрестись, стучаться и сочиться.
Так знай, что впору огорчиться,
Когда счастливой быть не в праве.
Но ничего нельзя исправить.

Не избалована.
Терпеть и ждать... не плача!
Когда ни кто не видит – может быть.
Тайком,
Когда обида, неудача
Нагрывают вдруг, подкатят горький ком
И станет холодно, дождливо и тоскливо –
Сплошная скользкая, холодная стена.
А время тянется, течет неторопливо,
Считают ходики – одна, одна, одна!
Секунды
Каплями,
Спокойными вначале,
С ветвей срываются, роняются, звенят.
И свили вороны гнездо.
И закричали,
И разорались в нем, и кормят воронят.
Гроза раскатами пугает, правдой колет.
И негде спрятаться в степи за три версты.
И ветер, нагулявшись в чистом поле,
Срывает, спутывает клочья бересты.
Кто хочет, щиплет почки, кто за соком
Спешит с жестянками, едва растает лед.
Как трудно быть красивой и высокой,
Как больно с ранами!
Когда все заживет?

Когда, напуганные неизбежной вьюгой,
Вернутся ласточки, забудут холода?
И, будто вырвавшись из замкнутого круга,
Все переменится?
И талая вода,
Желанной влагой напоив, к корням прольется?
И что – то теплое, забытое проснется,
Когда в погожие и ласковые дни
К стволу уставший путник прикоснется
И, прислонившись, отдохнет в тени.

Какая бурная весна!
Как уронившая поводья...
Проснулся лес, и тишина
Очнулась гулким половодьем.

Насыщен глубиной просвет
Обмерших крон, намокших сразу.
Порвали сеть, сменили цвет
Потоки с гор. Как метастазы...

Всех нас в межзвездной кутерьме
Вокруг оси времен вращает.
Цветы - весне, снега - зиме,
Обидам горечь возвращает.

Все так: крутись, как в колесе.
Забавна эта грусть смешная.
Как след в контрольной полосе,
Счастливый день, где тьма сплошная.

Как боль неискренность. Бросок
Вперед к концу, назад к истокам.
И соль, и горечь, и песок
Надменный, быстрый и жестокий.

И невозможно оправдать
Обман, неверность и бездушность
Тем, что обидно наблюдать
Прожитых лет пустую сущность.

Что, не сумев достичь мечты,
Увидев цель бесцельных странствий,
Создал уют из пустоты
В почти космическом пространстве.

Не стоит пробовать уснуть,
Смеясь порвать и подытожить.
В душе, увидевшей весну,
Пустого места быть не может.

И память, если попросить,
Легко найдет в своих глубинах
Глаза, умевшие носить
Печаль на крыльях голубиных.

Посадит свежие ростки
В остывший след прошедших мимо.
И губы вспомнят дрожь руки,
А пальцы- теплоту любимой.

Мне холодно. В груди осколок льда
Схватила боль холодными руками.
Уснула замертво в оврагах лебеда,
Растоптанная злыми каблуками.

Сгорело все. Что может не гореть
В объятых осени, бушующей пожаром?
Как расцвести, когда уже на треть
Я облетел и слился с тротуаром?

Кругом стена. Неласковый для всех,
Оставленный, оглохший лес пустует.
Когда уже упавший первый снег
Залечит раны, заласкает, забинтует?

Когда на белых простынях зимы
Помянут нас нелегким словом бранным?
Не может вечно отдавать займы
Любовь любой чуждак, каким бы ни был странным.

Все движется. Как бесконечен круг,
Где ветер времени ведет свои мотивы.
Под злыми шутками сгорит цветочный луг,
И ты не сможешь вечно быть красивой.

Уставший мир! В преддверьи холодов
Боишься их, тревожишься, немеешь.
Увидев скорбный ряд березок вдов,
Беспечно юной быть не сможешь, не сумеешь.

Не сумеешь чистой, босоногой
Пробежаться между теплых луж,
Прикоснувшись, поиграв немного
Черной сажой от сгоревших душ.

Знаю, что без меня
Не сумеешь ты прожить и дня.
Не сумеешь утром рано встать
Бодрой и счастливой.
Знаю, что без меня
Нет тепла, уюта, нет огня
В твоей жизни скучной и пустой,
И неторопливой.

И только я отворю твою дверь,
Вдруг начинается та круговерть,
Когда случается что - то вокруг
И что - то происходит.
И только я у тебя появлюсь,
Исчезнет скука, печали и грусть,
Играет музыка, свечи горят,
И друзья приходят.

Знаю, что без меня
У тебя бокалы не звенят,
Всюду шторы плотные висят,
И щенок не лает.
Знаю, что без меня
Тишина густая. Как броня
У тебя в квартире пустота,
И скучища злая.

И только я отворю твою дверь,
Вдруг начинается та круговерть,
Когда случается что - то вокруг,
И что - то происходит.
И только я у тебя появлюсь,
Исчезнет скука, печали и грусть,
Играет музыка, свечи горят,
И друзья приходят.

Когда полночная звезда
На миг задержится в зените,
Когда как будто навсегда
Наступит ночь,
Мельком взгляните
На просветленный небосвод,
На сад, на ломкие деревья,
На дом, где в лунном свете дремля,
Застыла в окнах пустота.
На тени в глубине куста,
Деленные лучом на части...
Есть что - то странное во власти
Покоя, тишины и сна.
Чуть – чуть от мистики.
Блесна
Листочка плавно развернется,
В испуге вздрогнет, задрожит,
Холодным отблеском коснется
Сетчатки глаз,
И побежит,
Шуршащей кроною гуляя.
Я знаю ночь.
Я представляю
И смысл, и вязь ее тенет.
Я сам из ночи.
Тени нет!
Есть только воздух, легкий спин,
Колеблющий эфир гардин,

Едва касающийся штор.
Как будто давит свет.
Напор
Совсем не уловимый даже...
Так гладит бархат, даже глаже.
Почти неуловима связь
С реальным миром, где, давясь
Вдали своим призывом брачным,
Хохочет филин.
Я прозрачный!
Меня здесь нет, но я живу!
Я вижу, чувствую траву,
Ласкаю каждый корешок.
Здесь тень, похожая на шелк
Меня скрывает от напасти,
От ваших глаз.
Я здесь во власти
Мне не понятной до конца,
Коснувшись вашего лица,
Жду.
Отмахнулись? Показалось?
Вы испугались?
Это малость,
Что я бы мог здесь натворить.
К примеру, вдруг заговорить
В глухую полночь, когда спите,
Когда, устав блеснуть в зените,
Ложится к западу звезда,

Когда, как капает вода,
Когда, как соком напоенный,
Надрез березовый слезит,
Сочится время.
Реквизит
Моих потех неисчерпаем.
Играя в полночь теплым маем,
Куражась, я не удержусь,
В дверном проеме покажусь
В том, в чем когда то провожали.
И посмотрю, как вы зажали
Ладонь у сердца.
Как незванный, застал в гортани жуткий крик.
Я сам из ночи!
Я привык
Смотреть на ночь, как на подругу.
Смотреть, как мечется по кругу
Планета годы, день за днем.
Уже столетний дуб стал пнем,
А буря сосны подкосила.
А я живу.
Есть ум, есть сила,
И мне все так же по плечу.
Сейчас я с вами пошучу,
Потом пройду по коридорам...
Ах, время... время...
Утро скоро.

Уже светает!
Завтра ждите,
Когда, устав блеснуть в зените,
Ложится к западу звезда,
Когда как-будто навсегда
Наступит ночь...

Из жизни вычеркнуть, забыть, перекреститься!
Прошло.
Уйти и не сказать «прости».
В коротком платье сиреневого ситца
И с парой туфелек, вместившихся в горсти
И чистый взгляд...
Пусть все сгорит, истлеет.
Перевернется, падая вверх дном!
Иссякнет, высохнет, отступит, обмелеет.
Нельзя же бесконечно об одном
И том же,
Не переставая,
Твердить, тоскою иссушая мозг.
Не возратить, что было.
И живая
Вода,
И мертвая
В углу из кучи розг
Не сможет вырастить цветущий куст.
Угли
Не будут деревом.
Как жаль, что не смогли
На перекрестке, на семи ветрах
Мы сохранить любовь.
Как жаль, что даже страх,
Страх одиночества не с может нам помочь
Вернуть тепло в октябрьскую ночь.
Как жаль, как жаль, что ветвями кивая,

Под ветром раскачавшись у ворот,
Стоит наш тополь,
Мерзнет, проплывая
По небу, месяц,
Что наоборот,
Не так все вышло.
То, что круг сомкнулся.
Что я, беспечный, поздно оглянулся
И не заметил, спящий наяву,
Что я и сам давным - давно плыву
По серым тучам, адреса не зная.
Что надоела суета земная,
Земные добродетели и зло.
Что не отбросил вовремя весло,
Что не успел согреться у тепла.
А жизнь прошла.
И молодость прошла...

Что случилось, почему все кружится?
Что так холодно,
Куда меня несет?
Свет в окне то кажется мне лужицей,
То, вращаясь, закрывает все.
Ты звала меня, звала, я слышал явственно
Голос, шепот, как последний вздох.
В предрассветном облаке лекарственном
Я старался, но понять не мог,
Как спасли меня от зыбкости качания,
С воздухом, вдыхающего слизь,
Пальцы рук, которые в отчаянии
Надо мной в мольбе переплелись.

Тропочка кривая,
Кочки да кусты.
Ветер обрывает
Клочья бересты.
Намочили вербы
В ручейке ресницы.
Тополю наверно
Летний дождик снится.
Пожелтели листья,
Положились травы.
Трудно быть виновным,
Горько быть неправым.
Не синее небо,
Солнце не блестит,
Если ты уверен
В том, что не простит.
Если точно знаешь,
Что метель кружилась
В прошлогодней жизни,
Той, что не сложилась.
Если всюду холод
Да вороний крик.
Если внешне молод
А в душе - старик.

Песок недвижим.
Волны, волны...
Одна, вдали от городов,
Размыта, призрачна, безмолвна
Ложится ниточка следов.
Барханом кверху, вниз оврагом.
Далекой синью неба зонт
В бреду, качаясь, с каждым шагом
Отодвигая горизонт,
Теряя цвет, как после линек,
Горит огнем над головой.
И вдруг – мираж!
Громадный финик
Дрожит, вибрирует листвой.
Зеленый чай на тонком блюде,
С кувшином женская рука.
Отставив губы, пьют верблюды
Сироп воды из родника.
Рванулся, заломились руки.
Вода, вода... - песок во рту!
Но бьет волна о борт фелуки,
Тюки и ящики в порту.
Носилки, пешие, кареты.
Базар – напитки, дыни, плов.
Резной орнамент минаретов,
Глазурь блестящих куполов.

Вновь шаг.
И кровь от страха стынет
В лиловой жилке у виска.
Нет ничего.
Вокруг пустыня
В горячем мареве песка.

За крепью глыбы, груды, плиты.
На гранях отблеск голубой.
Здесь угля нет.
Алевролиты
Забой оставил за собой.
Добытый крепкими руками
С глубин, где грохот и жара,
Смирясь, он выехал скипами-
Горячий, черный – на-гора.
Согрел людей, металл расплавил,
Растаял дымом в облаках.
И синих шрамов цвет оставил
Как след, как память на руках.

Как жаль, что мы не можем вечно
Быть счастливы...
В реальности причин
Все растеряется по жизни быстротечной
Среди встречающихся женщин и мужчин.
Лихой излучиной, где мрачен каждый встречный,
Старуха-ночь промчит на вороных
Скупых и щедрых, глупых и беспечных.
Всех нас – разменных, скучных,
Неподкупных и смешных.
Уставших жить,
Уставших жить в безличие
Толпы,
Где масок кованая медь,
Не увядать в холодном безразличии,
Когда пришел цвести и зеленеть.
Больное сердце - «темная лошадка»,
Клубок запутанных, сомнительных начал.
За что в трехмерной неустойчивости шаткой
Шальное море бьет ладонью о причал?
Куда в свинцовой пене волны мчатся,
О ком толкуют с брызгами в лицо?
О тех, к которым невозможно достучаться
Словами, письмами, душой, в конце концов!

Усни, усни, больная голова.
Оставь в покое мыслей прах истлевший.
Березка стройная, печальная вдова,
Качни над нами кроной облетевшей.
Останься боль под тенью у стены,
За дверью в сад, в охапке желтых листьев.
Что ж это я, один, среди весны
Стою, как клен осенний, в шапке лисьей?

Дождливым днем,
Морозным утром, в летний вечер
Я в шуме уличном,
Как будто птица в облаках.
А ты со мной...
Ты руки сложишь мне на плечи,
И я так радостно
Кружусь с тобою на руках.
А ты со мной...
И снова мы не расстаемся.
А ты со мной опять.
Пусть быстро время пролетит.
А ты со мной...
И мы вдвоем с тобой смеемся.
И быть счастливыми
Нам здесь ни кто не запретит.
Твои глаза
Синей, чем море на картине.
И совершеннее,
Из всех волнующих чудес.
Твои глаза...
Пусть в них улыбка не остынет.
Я растворяюсь в них.
Я в них почти уже исчез.
Ведь ты со мной...

И снова мы не расстаемся.
Ведь ты со мной опять.
Пусть быстро время пролетит.
Ведь ты со мной...
И мы вдвоем с тобой смеемся.
И быть счастливыми
Нам здесь ни кто не запретит.

Какое имя - нежность, ласка, прелесть.
Как вам идет смущаться синью глаз...
Дворы и улицы черемухой оделись,
И с болью грусть под сердцем улеглась.

Заговорились, зашептались, скрылись.
Кончилась ее былая власть.
Отболелась, сникла, испарилась,
Растворилась, смылась, разбрелась.

Кто вы, девочка, откуда в вас такое?
И где вы научились так лечить
Скорбь, привыкших в лени и покое
Грузную усталость волочить?

Просмотревших, так и не заметив
В красках дней, рожденных суетой,
Как укутан ветром на рассвете
Майский сад сиреневой фатой.

Над домом, у крыльца и над дорогою,
С подветренной холодной стороны
Качается, шумит листвою строгою
Не требуя тепла и тишины.

Не требуя ни ласки, ни внимания.
Ну, кто ее любимой назовет?
Ей безразличны недопонимания
Она как будто спит, а не живет

Косым дождем в ненастный день умытая,
Присыпанная снегом по утру,
Оставленная, или позабытая
У края, у обрыва, на ветру.

Пусть мистика, обман и суеверия.
Пусть мне заметно только одному.
Но сколько грусти, сколько недоверия
В душе ее ко всем и ко всему.

Все пройдет, забудется, наскучит.
Нет тепла,
Где осень у дверей.
Грустно город опустевший пучит
В мокрый сквер глазницы фонарей.
Нет тепла.
Уставший клен скрипучий
Присмирел, продрогнув у стены.
Вязкие, расплзшиеся тучи
Скрыли в небе серебро луны.
Нет тепла.
Короткий день не сможет
Всех согреть, когда совсем один.
Мерзнешь так, с «мурашками по коже»,
Глядя в белый свет из-за гардин.

В середине крошечной поляны,
Где лучами Солнца лес прошит,
Дикий кот зализывает раны
И сухую хвою ворошит.

Треплет судорогой боль избитой плоти.
Видя клочья на шипах куста,
Он еще рассержено колотит
Непослушным кончиком хвоста.

Но галдя, почти уже пирует
Не таясь, вороний хоровод.
Истомлено глядя, как парует
На снегу растерзанный живот.

Ветер сморщил воду,
Набежал и стих.
Вешний клен над бродом
Счастлив, как жених.
Ивы распушились,
У моста присев.
Переполошились
Птицы, прилетев.
Медом напоила
И лишила сна.
Кто же ты такая, ранняя весна?

Раскачал березку
Ветер в поле чистом.
Растрепал в прическе каждый волосок.
Караси в речушке
Стайкой серебристой
Розовое брюшко чешут о песок.
От жары, от стужи,
Ливней и мороза,
Как сестренку, клены липку берегут.
Над прудом уснувшим
Синие стрекозы
Тополиный хлопок крыльями стригут.

Взошла над желтизною плеса
Полупрозрачная Луна.
Безлика, призрачна, белеса
Внизу тумана пелена.
Рассвет кострами задымился,
Мир перевел свои часы
И дивным светом преломился
В холодной капельке росы.

Пушистой шалью
С хрупких плечек
Зима укутала поля.
Легко коснулась крыш, крылечек,
Укрыла ивы, тополя.
Грозь оконным переплетам
Морозным пальчиком слегка,
Блеснула прелестью полета
В лучах вечернего катка.
Огнями красок засияла
В нарядах ели и сосны.
Как я хочу, чтоб ты стояла
Такой красивой до весны.

Холодный сруб под подбородком.
Палач на цыпочки привстал.
Народ, потупившийся кротко,
Вздыхнув, молитву прочитал.

Блеснув, над головою взвился
Слегка зазубренный клинок.
Протяжный взмах - и разломился
С коротким хрустом позвонок!

Качнулись, охнули, присели
Волной тулупов, ружей, блях.
Стрельцы, купцы... - как в карусели -
Холопы, баре в соболях.

Горбун, изъеденный коростой,
Куражась, мочится при всех
Внизу, где кровь, сбегав с помоста,
Впиталась в покрасневший снег.

Толпа гудит. Над образами
Морозным облаком туман.
И смотрит мертвыми глазами
На площадь грозный атаман.

Вы помните?
Ах, эта память... Да?
И ваша скромность...
Пасмурные лица
Холодных сумерек
Прошли - и нет следа.
И только мысль лениво шевелится
Тяжелая, похожая на сны
Без смысла, без удачи, без идиллий.
Как запросто, не чувствуя вины
Вы по душе прошли, ногами наследили.
Разрушили легко, в один момент
Мир - неудачник, мир - эксперимент,
Все превратив в декабрьскую стужу.
Как извиваясь, выбрались наружу.
Зеленым призраком, под дождевой мотив,
Приблизилась,
Лукаво превратив
Оскал в улыбку.
Лиходейство грима!
И жжет она, присутствует незримо,
Неловкая, как ноша за спиной.
Хотя, наверное, нельзя назвать виной
Беспечность юности, с которой раздается
Глотком воды из пересохшего колодца
Кому-то боль, кому-то благодать.
Хотя, наверное бы нужно оправдать

Пусть не во вред, но сказанное ложно.
Ведь каждый знает, как легко возможно
В раю найти гостеприимство склепа.
Когда ты чувствуешь, насколько все нелепо,
Когда тебя вращает и несет.
А Бог с ней, с памятью!
Пусть вечер разнесет
Сон, как лекарство по набухшим венам .
И я забуду все, уснув мгновенно.
Года, как загнанные кони,
Промчат, копытом землю пнув.
Лик безупречный на иконе
Сойдет, ладони протянув,
Ко лбу прохладой прикоснется.
Постигший тайны бытия,
Все возвратит.
И все вернется
С росой на круги своя...

Как тепло!
Твоя голова лежит на моей согнутой руке.
Какие близкие, ласковые твои волосы.
Как приятно их прикосновение.
Повернись ко мне.
Я хочу отыскать твои губы
В этой темноте.

Мягкий уличный свет
Из неплотно зашторенных окон
Рисует на твоём лице то теплую нежность,
То грусть, то разочарование.
А ведь ты никогда раньше меня не любила.
Не любишь и сейчас, я знаю.
Тогда почему же ты молчишь в этой темноте?
Почему ждёшь от меня поцелуя?

Такова жизнь – цепь ошибок, огорчений и измен.
И все возвращается на круги своя.
Грусть и радость, хорошее и плохое.
А я, глупый и беспомощный, многое прощаю,
Многое не хочу замечать.
Но сможешь ли ты простить
Себя сама?

Тяжелая зима
Прошла -
И снова снег растаял.
И мы с тобой опять
Вдыхаем запахи весны.
Еще один виток,
Еще один виток.
Откуда между нами холодок?

Пока вдвоем, неуязвимы мы.
Красивы, молоды, любимы мы.
Пока вдвоем, мы можем запросто
Все преодолеть.
Пока вдвоем, непобедимы мы,
Пока вдвоем, необходимы мы.
Пока вдвоем, мы ни о чем с тобой
Не должны жалеть.

Любимые глаза –
Красивый бриллиант в оправе.
И не способно время
Погасить на гранях свет.
Еще один виток,
Еще один виток.
Откуда между нами холодок?

Пока вдвоем, неуязвимы мы.
Красивы, молоды, любимы мы.
Пока вдвоем, мы можем запросто
Все преодолеть.
Пока вдвоем, непобедимы мы,
Пока вдвоем, необходимы мы.
Пока вдвоем, мы ни о чем с тобой
Не должны жалеть!

Удар
Негаданно, нежданно.
И осень желтая стоит!
Как все у нас непостоянно,
Как перепутаны слои.
Вот желтый слой дождю в угоду.
Жалей по лету, не жалей,
Но, обижаясь на погоду,
Опали листья тополей.
И легкий шелест лета в прошлом.
Удел их - ветер и метла.
Но как же в этом мире пошлом
И глупом,
Хочется тепла!
И как легко, судьбою злою,
Нам, потеряв с корнями связь,
Вдруг оказавшись верхним слоем,
Быть просто втоптаннами в грязь.
И притворяясь прахом старым,
И соглашаясь умереть,
Не отвечая на удары,
В костре зелеными сгореть!

Я умер.
Сердце не стучит.
Не слышен пульс,
Тепло остыло.
Полынным порохом горчит
В душе под тяжестью постылой.
Пустыми окнами дома
В глухую облачность взметнулись.
Перемешались свет и тьма,
Где Вы с покойником столкнулись.
Прозрачной тенью промелькнув,
Не видит Вас глазниц оправа.
Скользнула в ночь, не упрекнув.
У мертвых нет такого права.
Бесцветный взвешенный фантом
Умчался прочь, едва возникнув.
Лицо мелованным листом
Прошло не вздрогнув, не окликнув.
Все - только свет,
Игра стекла,
Аморфных гранул сеть густая.
А будто вечность истекла
Крошась, коверкаясь и тая.

Не кричи, не зови.
Никакими слезами не справиться
С этим слоем земли
Над спокойной моей головой.
Не кричи, не зови.
Ты поверь, мне здесь тоже не нравится.
Я давно бы пришел,
Если мог,
Если был бы живой!
Постарайся забыть.
Память –
Горькое
Отягощение.
И не стоит скорбеть,
И пытаться кого-то винить.
Постарайся забыть.
Нет вины, и не нужно прощения.
Все случилось, увы,
Что же можно теперь изменить?
Только если приснюсь
Я, голодный, в изорванном рубище.
Или может, пройду
В лунном свете у самой стены,
Вот тогда – помяни
Нашим светлым, несбывшимся будущим.
Пусть мне будет полегче
Под грузом моей тишины.

Смешно?
Смешно...
А стоит ли смеяться?
Смех, как ответная реакция на страх?
И на растерянность, на ревность?
Веселятся
Порою с горя, от бессилия.
В мирах,
Уже открытых и обжитых пятнах суши
На теле океана непогод,
Томятся, всхлипывают, стонут наши души
Не понимая, почему из года в год
Мы кружимся, бездомные, в пространстве.
И что - то жуткое в логичном постоянстве
И безысходности такого бытия.
Степной простор и свежая струя,
Живая мысль и дерзость позабыты.
И смысл и цель – копеечная медь.
И не вздохнуть, не вспыхнуть, не суметь
В медлительном, пропахшем кухней быте.
Не развернуться и не развестись!
И сколько можно в никуда нестись
Копя болезни, деньги и усталость?
А вы смеетесь...
Смейтесь, что ж осталось.
Не братья же, в конце концов, за нож?
Или с ума сходить?
Пусть капля, даже малость

Живого, не растраченного вновь
Расшевелит нас,
Разыграет кровь.
Согреет вдруг, а может, бросит в дрожь.
Небезразличной станет боль и ложь,
Своя любовь и ненависть чужая.
Всплеснет, вскипит, взорваться угрожая
У самых ног, у самой шелухи,
Когда родятся из обрывков фраз стихи.

Не беспокойся ни о чем.
Ты не виновна -
Ночь порочна.
Ко мне головкой на плече
Склонись, усни, и пусть бессрочно,
Скупясь и «глядя на часы»
Нам светит месяц.
Согревает
Льва, Скорпиона и Весы.
Скрипит и кронами кивает
Замерзший сквер.
Весенний пыл
Не к месту.
Холода вернулись.
И я, наверное, остыл.
В колесном шуме тесных улиц
Растратил все, что мог.
Тепло
Так... просочилось.
Унесло
Его расчетливое время.
А я, как будто в полудреме,
Все продолжаю колесить,
Стучаться в окна и звонить.
Утрачен смысл, исчезла нить,
Которой следовал всегда.
А тут вернулись холода.
А тут мороз и снег!

Беда,
Когда почти у цели,
Как зимний гром, как снег в апреле,
Как наваждение придет,
И ты потом черпаешь год
Легко заваренную кашу
Разборок, сплетен, версий.
Нашу
И вашу –
Роли, даты, числа
Пытаясь втиснуть в рамки смысла.
Но все оно пустое - звук.
А я, как в летний град паук,
Заплаты ставлю в паутину.
И не найду концов поныне.
Легко ли быть таким ткачом?
Но ты не думай не о чем.
Я рядом со своим плечом.
Скорбь отступи, и боль стихай.
А ночь?
Да Бог с ней, отдыхай!

Стекло разбилось...
Трещина и скол!
Порезался.
Вот так, не держат руки.
Нет понимания.
Как будто протокол
Наш разговор с тобой.
Как будто бы от скуки
Пытаемся друг друга уязвить.
Стараемся.
Сумели.
Получилось!
Теперь бинтую руку.
Перевить,
Перемотать бы все, чтоб больше не сочилась,
Не уходила безвозвратно теплота.
Чем заменить ее?
Пусть даже шанс из ста,
Пусть даже менее, и это грех терять.
Пусть даже капелька, мгновенье, ломоть, прядь
Распушенная, пущенная ветром,
И та бесценная!
Дорога метр за метром
Уходит в прошлое.
И мы, ее рабы,
Не возвращаемся...
Жестоки и грубы.
Надменны, требуем.

А что мы сами стоим?
А сколько мы раздали просто так,
Не обсуждая цену?
Ноль, пустяк.
А сколько отобрали, не спросясь,
И нам отмеряли?
Односторонняя связь.
Бог видит нас, а мы его не видим.
Бог судит молча, мы грешим и ждем,
Способные унижить и обидеть,
Оставить у порога под дождем,
Поставить к стенке, бросить не у дел.
Разоткровенничался...
Сам того хотел!
Жаль, вышло все обыденно и глупо,
И общность взглядов, мыслей, близость тел
Лишь на мгновение, на миг, который скупю,
Как ростовщик дает судьба займы,
А под проценты забирает годы.
И вечер праздничный вдруг холодом зимы
И шугой в проруби, и слизью непогоды,
Нам возвращает эхом каждый шаг.
Сгущает краски, совмещает даты...
И был не друг -
И, к счастью, стал не враг.
Ничто: посредственность, встречавшийся когда-то
В холодных сумерках, где все покрыто льдом.
Где не понятно: кто спешит, откуда?

Где все прохожие.
Гоморра и Содом!
Сад Гефсиманский, тлеющая груды
Людского мусора,
Оливковый бедлам,
Сухие выжимки прессующего стресса
Для пересыщенных и одиноких дам,
Теряющих остатки интереса,
Вдоль стен рассаженные по ранжиру в ряд.
На вате плечики и бороды из ваты.
И я в компании!
Гляжу на маскарад...
Верх простодушия: сюртук аляповатый,
Нос на резинке и мазками грим.
Верх простодушия...
О чем - то говорим,
О чем - то спорим мелко и не важно.
Глухие спорщики.
Размеренно, вальяжно
Играет время рябью между скал.
И нами, грешными.
А то, что я искал,
Запутываясь ночью в занавесках,
Днем очевиднее.
И ясно, что не вески
Набором слов и одиноких фраз
Мои признания.
Ведь дерзко, и не раз,

Я сам грешил, выпутываясь чудом.
И часто – часто нестерпимым зудом
На языке копилась злая брань.
Не укради, не пожелай, не рань...
А я желал и воровал, и ранил!
И стыдно не было!
И преступал.
На грани
Меня удерживала часто только плеть.
Не удивительно, что впору пожалеть
О пользе мизерной и вреде откровений,
Когда мгновение полета истекло,
Поранясь об оконное стекло.

Все перепуталось:
Чет – нечет, да и нет.
И только вспышки памяти реальны.
Какой отравой опоили белый свет,
Что мы с ума сошли?
Что мы в миру, как в спальне,
Теряем стыд и платим дань греху?
Грешим, грешим, еще не понимая,
Что это крах.
Что где-то наверху,
Где нет ни осени, ни августа, ни мая,
О нас уже известно все.
Вода
Нахлынет вдруг и не найдешь следа.
Мы не вернемся.
Что потом, тогда?
Нет ничего.
Как паруса вздымая,
Промчался день и наступает ночь.
А мы, как дети: чей-то сын и дочь.
Нам очень одиноко в темноте.
Нам страшно...
На ветру гуляя,
Всегда опасно оставаться одному.
Задумайтесь, любимых оставляя:
Мы оставляем для кого, кому?
Кому: толпе, где грязными руками
Легко испачкают.

Где вечности длинней
Обычный серый день.
И дней,
Ему подобных, целая лавина.
А вечер? Вечер...
В суете теней
Ночь холодна, как снежная равнина.
Мужчины, женщины, Татьяна, Ольга, Нина...
Сергей, Андрей...
Как загнанных коней
Всех закружит, всех понесет стремнина.
Обманет всех, и всех научит лгать.
И просто глупо и наивно полагать,
Что можно отказаться от соблазна,
Когда проходит жизнь размерено и праздно.
Проходит, от начала до конца.
И нам, заблудшим, не поднять лица.
И нет прощенья, не выбраться из пены.
Еще не ощущая вкус измены,
Еще не согрешив, уже раскаясь,
С глазами мертвыми, мертвее мертвеца
Стучимся в дверь, смущенно улыбаясь
Рукой без обручального кольца.
А дальше жизнь.
И так же солнце светит.
И пусть прошло, не принесло вреда,
Кто будет за свершенное в ответе?
Кто примет душу грешную, когда

Кольнет вина, хлестнет больнее плети.
Напомнит вдруг, подскажет: - «нет... и да...».
Простит ли нас навечно, навсегда
Единый Бог, один на всех на свете
За то, что не сумела, не смогла
Понять, сберечь...
Не сберегла!
И наблюдает из угла
С двумя присутствующий третий.
Скрипит в шкафу, в часах стучит.
Не осуждает, не кричит,
А только смотрит и молчит,
Как будто нет на нас креста!
А всюду ночь.
И пустота...

Остановитесь у черты.
Пусть это берег, кромка крыши...
Вы не боитесь высоты?
Вы плаваете?
Если слышен
Командный окрик, виден взмах,
Вам не доступно чувство страх?
Из тьмы во тьму, из праха в прах,
Из бездны в бездну!
Приглядитесь, что это вороны кружат
В пасхальный день, крикливой стаей,
Бросая тень на купола?
По ком звонят колокола?
Чьи это души отлетают?
Чьи это души?..
Корень зла
Не в том, что мы грешны и лживы,
Не в том, что глупы, злы и живы
Единой мыслью – обмануть!
Не в том, что можем жалить, пнуть,
Не возмущаясь, пасть и встать.
Беда, что можем растоптать
Чужое все, так и не поняв
Его действительной цены.
Как-будто мы заражены,
Как-будто съели белены,
Как-будто мы не знаем, кто мы.
Как-будто щели и проломы,

Где раскаленный воздух сжат,
Не страшны нам.
Что ниже?
Ад?
Что дальше?
Вечность, где лежат
Копясь, прессуясь и спекаясь
Года в столетия?
Стекаясь
Со всех сторон в одну струю,
Все наши мысли здесь встают
В единый строй, со всей планеты,
В пластинках, лентах и дискетах
Хранится там, в тиши и тлене,
С грехами прошлых поколений
И наши мысли, и дороги.
Но мы не чувствуем тревоги,
Не ищем правильный ответ,
Живем, не думая о Боге,
Которого, возможно, нет.
Но что - то есть!
И этот свет
Растленный, преломленный в призме,
Погрызший в алчности, в цинизме,
Который тяжкий крест несет,
Кто защитит и кто спасет?
Кто может «глядя с высоты»
На все «сожженные мосты»,

Посыпать пепел на седины
И воссоздать все воедино?
Внушить, что нам необходимы
Добро, Любовь и Чистота?
И подвести черту: черта!

Все не поднять.
И не перенести.
Всему, во всем, всегда своя граница.
Сбегают дни, как капли из горсти
И пролетают быстрой вереницей.
И не вернуть мгновений.
Божий бич!
Пух тополей, потом листва,
И снег белеет.
И чередой...
Что мы хотим достичь,
Живя размерено: - день – ночь, день – ночь?
О чем жалеем?
По ком скорбим и отчего грустим?
То продаем, то снова покупаем?
Мы все с ума сошли?
А может, просто спим?
Не просыпаясь, снова засыпаем.
И нам все снится?
Это только сон?
И все вокруг не так ужасно грязно?
Мир не зверек, попавший в колесо,
Измученный, уставший, несуразный?
А может, затаившись, возвести
Вокруг себя стену?
Дубленой коже

Все нипочем.
Пусть каплет из горсти,
И пусть всему, во всем, всегда одно и то же –
Озноб и жар, кривые зеркала?
Без отдыха от хохота и плача
Встаю и падаю, вращаюсь как юла
И натыкаюсь всюду, как незрячий,
На руки, ветви, на углы и ложь,
На слишком гордых и не очень умных.
На что похоже все,
Я на кого похож?
На перекрестках, в переулках шумных
Большого города
Не будет тишины.
Случилось так, что без моей вины
Прохожий, брат, супруга и супруг
Совсем чужие.
Я не понимаю,
Как мы вошли в такой порочный круг.
И, лишний груз на душу принимая,
Уже не удивляюсь, что вокруг
Обида неподъемна, боль сжимает
Холодный ком, и в гулкой пустоте
Мне не на кого больше опереться.
Все ненадежно, и друзья не те.
Так тяжело, так муторно на сердце.
Внедрилась боль, вошла и в глубь и в ширь.
А мир спокойный, будто монастырь.

Утихнет боль,
Обида притупится.
Мир изменяется, волнуется, кипит.
Но, не дай Боже, просто оступиться.
Не дай Бог, промахнуться –
Ты убит!
Как землю листьями, тоска покроет очи.
Разлучный цвет,
Утратный желтый цвет!
Не сможешь выпутаться.
Хочешь иль не хочешь –
Ты оступился, ты упал–
Прощенья нет.
Ах, люди, люди...
Кто же вами правит?
Кому достанется бессмертная душа?
Подходят, улыбаются, лукавят.
Потом отходят, листьями шурша.

Остановись!
Дай мне собраться с мыслями.
Остановись!
Еще не решено.
Остановись!
Магическими числами
С тобой мы вместе связаны давно!
Остановись!
Мы друг для друга созданы.
Остановись!
Ты слышишь этот гром?
Остановись!
Ведь рано или поздно мы
С тобой от одиночества умрем.
Остановись!
Все в этом мире связано.
Остановись!
Не нужно говорить.
Остановись!
Ведь ты понять обязана -
Нам больше ничего не повторить.
Остановись!
Мы все здесь только временно.
Остановись!
Смешное слово «жизнь»...
Остановись!
Как ты самоуверенна.
Остановись, остановись, остановись!

Закружило, понесло,
Будто выронил весло.
Подняло и снова оземь швырнуло.
Явь со сном переплелась,
Прочь удача унеслась,
Скорым поездом в окошке мелькнула.

Не держу, не помню зла.
Пусть звенят колокола,
Поднимается волна к небу круто.
Будет счастье на земле,
Будет пища на столе.
Только грустно мне сейчас почему-то.

Ждал, пока хватало сил.
И звезду свою просил.
Непреступная она, отказала.
Умоляя ее – согрей!
Спал дворнягой у дверей.
Семафором прозябал у вокзала.

Я пока еще не стар,
Только малость подустал.
Только мир вокруг меня изменился.
Разоралось воронье,
Стало правдою вранье.
Только холод как медведь навалился.

В мае вишня расцвела,
Накапилась добела.
И душа моя светла в миг причастья.
Цену злу определил,
Жажду счастья утолил.
Знаю, сколько в жизни зла, сколько счастья.

Как имя сущего в веках,
Да славен, будь в пределах мира!
На море и материках,
В потоках звездного эфира.
Тебе поклон,
Прими, мудрец.
Прошу, веди прямой дорогой.
Будь добр для искренних сердец.
Будь строг.
Ты справедлив и строгий.
Ты мой учитель,
Признаю
Твое верховное начало.
И не гневлю, хоть не молю.
Не нужно, чтобы лесть звучала.
Ты знаешь все.
Сомнений нет.
Ты написал, я прочитаю.
Нет правды искренней,
И свет
Так быстр, так быстр,
Но я мечтаю
Быстрее света.
Пролечу
Всю составляющую вечность,
От дней начальных прокричу
Сквозь время, мрак и бесконечность.
Что там года,

Когда в тебя
Я верю с искренностью чистой.
Когда во мне твоя звезда
Горит энергией лучистой.
Благодарю, что я живу,
Что я умен уже азами,
Что вижу небо и траву
Твоими мудрыми глазами.
Впитаю сложность бытия.
Пусть далеко не идеальный
Мой мозг, греховище.
И я
В первичной глупости банальной,
Способен думать о живом.
Что я живое воплощаю.
Что я, величественный гном,
Как ты, других вокруг прощаю!

На юге - юг.
На север – дом.
Сквер над прудом, крыльцо, березка.
Там месяц май,
Сирень кругом.
А тут стрельба.
Все утро хлестко
С горы «молотит» пулемет.
Лежим между машин зажаты.
В ущелье эхо, как раскаты,
Как будто гром.
Хребтом покатым
Плывет огонь-
Горит бензин.
Здесь много лета, мало зим.
Здесь не соскучишься нисколько.
Споткнешься, прозеваешь только,
И тут же прямо в лоб «сажает».
Да, мастер...
Перезаряжает.
Умолк, устал, душман проклятый.
Вот, если бы его гранатой,
Или прикладом между глаз...
Еще убитый?
Да.
Приказ:
В обход, по тропке, за дувалом,
Левее глинобитных стен,

Где, как покрытый покрывалом,
Сухою пылью до колен.
Молчит кишлак.
Пустые баки,
Воды ни капли.
Ни собаки,
Ни люди...
Нет здесь никого.
Попытались по щелям, гады!
Теперь, согнувшись, вдоль ограды.
В короткой тени отдохнуть.
Еще рывок.
Перемахнуть
Через забор, рвануть затвор.
Едва прицелившись, в упор.
Вот так! Попал?
Еще тебе!
Подняться, отряхнуть ХБ
Хлебнуть из опустевшей фляги.
Убитых трое? Да... бедняги.
Ну что, поехали?
Вперед!
И так уже четвертый год.

Визг рикошета.
Как иглою слух прошило.
Сухая крошка скола брызнула в висок.
Тяжелый путь в ущелье солнце завершило
По жарким камням, перемолотым в песок.
Отставший лак на обожженном фюзеляже,
Язык распухший, высохший, сухой.
Через минуту ночь на скалы ляжет,
Укутав горы черной паранджой.
И миражи качающихся линий
Столкнут сознание в глубокий скользкий ров.
И неба звездного роскошный хвост павлиний
Рассыпит тысячи сверкающих миров.
Не спать, не спать!
Отставить сон, братишка.
Где сон, там смерть.
А нам нельзя не жить.
В жестокой сущности, дающей передышку
Устала тишь оглохшая кружить.
Плеснули тени закипевшим шоколадом.
Хрипят, скребутся, извиваются ужом.
Чуть в сторону... вот так!
В лицо, в лицо прикладом.
И до упора, резко штык – ножом.

Два выстрела, удар, бросок, еще, два взрыва...
Прыжок.
Как щебень щеки исхлестал!
Но слышать в грохоте, что козырем обрыва
Сечет осколками разорванный металл.
Что рвется, напрягаясь до предела
И вновь упруга внутренняя связь,
Как взвил приказ распластанное тело,
И снов в бой, сквозь зубы матерясь.
И превозмочь
В безмерности абстрактной
Горячей боли ввернутый шуруп,
Увидев вспыхнувшие радужные пятна
Ракетных залпов поисковых групп.

Не отдаю себе отчет.
Как сумасшедшая пирушка,
Жизнь независимо течет
От нас самих.
Как будто стружка,
Которую рубанок сбрил,
Скользим, завитые по кругу.
И повторяемся.
Творил
Создатель, мял упруго
И, перепутывая, знал,
Как в ней непросто разобраться.
Что можно даже не стараться.
Не стоит мучиться, гореть.
Ведь невозможно не стареть?
Ведь невозможно жить без срока?
И видимо не будет прока
В стремлении все в ней понять.
Ведь не объять и не обнять
Что необъятно, не объемно,
Что выше нас?
И нам нескромно
Твердить понятно, нет вопросов.
Мыслитель, маг, мудрец, философ!
Ты не приблизился еще.
Ты даже не достиг границы

Того, что нужно брать в расчет.
Того, что длинной вереницей
Громоздких формул прочь течет
В межзвездном вакууме сути,
От нас вдали.
Не обессудьте,
Но мы совсем не знаем мир:
Знакомый, близкий, параллельный.
Мир, как рисунок акварельный,
В родном отеческом дыму,
Единственный, и потому
Такой для нас необходимый.
И в этом мире есть любимый
И очень нужный человек.
И мы, не поднимая век,
Одною мыслью представляем
Его знакомое лицо.
И в этом мире, как кольцо,
Мы все, от смерти до зачатья
Цикл замыкаем.
И печатью
Сомнения наделены.
Глаза застлавшей пелены
Туман
Руками разгребаем.
Стремимся, рвемся, убегаем
В глухую даль от нас самих.
Черпаем образы из книг,

Потом находим у знакомых.
О жуткий миг, о сладким миг,
Когда, ведомый и влекомый,
Ты на вершине торжества
Стоишь над бездной, сознавая,
Что ты все понял.
Что живая
Твоя душа наделена
Бесценным даром.
Что она
Уже звучит в дуэте с Богом.
И прошлый мир был лишь предлогом.
И ты теперь сам божество.
Но жаль, недолго торжество.
Вновь на тебя из зазеркалья,
Так недовольные собой,
Глядят глаза.
Блеснут то сталью,
То неожиданной слезой.
И снова впереди граница.
И горизонт.
И начат счет.
И нужно брать свою синицу,
И постараться дать отчет.

Вот так...
Чужой!
Такие, брат, дела.
Мысль устоялась, обозначилась, прижилась.
Метель свихнулась, закусилась удила
И в паре с ветром между елок закружилась.
Откуда голос, хрипота и смех?
Шарахаюсь.
Кусты вокруг, как черти,
Хватают за ноги и падаю на снег,
Уставший и напуганный до смерти.
Кому пожаловаться?
Что тому виной,
Что жизнь, дарованная как большая милость,
Вдруг стала горькой, непутевой и хмельной
И тонкой веткою в руках переломилась?
Святой и праведный Учитель и Мудрец,
Бредущий с посохом по городам и весям!
Остановись, приблизься наконец.
Ведь мир живущих очень мал и тесен.
И ты найдешь меня, неумного, легко.
Над головой твоя ладонь, как благо.
И объясни мне, кто же я такой,
Какого цвета и какого флага
Моя душа?
Куда теперь спешить,
Как сохранить обрывки и обломки
Беспечных снов?

И стоит ли грешить,
Когда таким непрочным, хрупким, ломким
Вдруг оказался мой земной уют?
Послушай, не по мне ли здесь поют,
Как будто обрисованные мелом,
Глухие тени?
И снуют, снуют,
Все черные.
Но безупречно белым
Вдруг иногда мелькает их оскал!
Не я ли между ними проскакал
На вороном, размахивая шашкой?
Кого жалеть?
Руби, коли!
Промашкой
Не будет ни жестокость, ни обман.
Носись, носись, руби, коли!
Дурман
Безумия не так легко измерять.
И можно не жалеть, не ждать, не верить,
И видеть пищу и доход в любом.
Заранее рожденный быть рабом
Своих потребностей, желаний и утех,
Ненужный, неприемлемый для всех.
Коптящий, дымный, не горящий – тлевший.
И белым вороном среди ворон белевший.

Закружился!
Суета сует...
Как согреться в облетевшей роще,
Где рисует углем лунный свет
Вязь теней,
Волнуется и ропщет
Зимний лес, увязнув до вершин
В серых хлопьях облетевшей мути?
Кто мы, что мы, отчего грешим?
Отчего, не постигая сути,
Засыпаем бесконечным сном
Не любя, не радуясь, не веря?
Гордый Рыцарь и потешный Гном...
Не попав в распахнутые двери,
Не осмыслив глубины потерь,
Мерзнем одинокими столбами.
Закружились...
Кто же мы теперь?
Мчимся прочь, с пылающими лбами
Рвем из сердца узелки корней,
Мечемся по вспаханному полю.
Мысль моя, постой, не коченей.
Дай понять, за что с такою болью
Мы как мухи, пившие крюшон,
Вдруг увязли в временной трясине?

Боже правый!
До чего смешон,
Как же исковеркан этот синий,
Легкий мир, когда вот так бредешь
Босиком по несогретым росам.
Не живешь, не празднуешь, не ждешь.
Перегружен простотой вопросов,
Ты уже не можешь дать ответ.
Эх мы, люди! Ах ты, лунный свет!

Оторвался, понесло....
Не спрашивай!
Может, правда, негодяй и лгун?
И старайся, не старайся приукрашивать,
Оправдать себя я не смогу?
И не сумею?
Столько наворочено...
Наломал, напортил, наследил.
Со своею простотой порочною,
Не страшась не плети не удил,
По целине, вперед – какая разница?
По бездорожью – пыль из-под копыт!
И вдруг очнулся, простота и несуразица,
В огромном мире, нагишом среди толпы.
Огромный мир!
Все ходите, глядите.
О чем вы мыслите?
Кого бы обмануть?
На перекрестке, на углу событий,
Когда не знаешь, как же быть, куда шагнуть –
Везде глаза, везде глаза и лица.
Внимательны, внимают, стерегут.
А это кто, удастся поживиться?
А этот?
Притворяются и лгут:
Да мы друзья, да мы с тобой, мы вместе.

А сами полегонечку, в петлю.
Поупражняются в обмане, в ласках, в лестии.
А после весело в лицо тебе плюют.
Рассядутся, как вороны, хохочут.
Упал? Поднимется? Поднимется? Упал?
Попробовать бы сердца, легких, почек,
Лица и глаз...
Карабкается, встал?
Да, встал!
Судьба по морде била.
Случалось, что не тем богам служил.
Не няньчилась, швыряла, не любила.
Всегда имел и получал, что заслужил.
Всегда платил.
И долг сполна оплачен.
Хотя порой идешь, как на расстрел.
Хотя порой под сердцем жжет и плачет.
И острия зазубренные стрел
Не просто вытащить.
Болит.
Ведь по живому!
Болит!
Не расшатать и не согнуть.
Все тяжело.
Но зеркалу кривому,
Которому позволил обмануть,
Не исказить уже, настолько все реально.
Понятно, кто, за что, по чьей вине.

Что близко, что почти диаметрально,
Не совместимо, как в кошмарном сне.
И не приемлемо.
Но Бог тому свидетель,
Мирская жизнь-то тем и хороша,
Что так запутана!
Что грех, что добродетель?
Где день, где ночь?
Где разум, где душа
Бродящих в вечности, скитающихся праздно,
Прозрачных призраков моих хороших дел?
Хороших и плохих.
Случайных, разных.
Все то, что помню, но забыть хотел.
Но все же помню.
Лица, лица, лица...
Глаза закрою, целый хоровод.
Который день, который месяц длится.
И не кончается.
Идет за годом год.
А жизнь – посредственность.
В чем смысл, где критерий?
Возьми на выбор, проживи любой.
Все, как всегда.
Находки и потери.
Нашел, не радуйся, теряешь – Бог с тобой!
Потерей множество, находка – очень редко.
Теряешь многое.

Находишь – так... чуть-чуть.
Слоняешься, как сломанная ветка,
Роняешь, поднимаешь, снова в путь.
И эти поиски...
Да что там, - нет печали!
Всего попробовал на ощупь и на вкус.
Увидел всякое.
Встречал, меня встречали.
Был полон – счастлив, и несчастлив – пуст.
И можно, распластавшись, обнимая
Сырую землю с молодой травой,
Вдруг, оторваться посередине мая
И заскользить то влажной мостовой.

Стена,
Стена
И пелена...
Приметы замкнутого круга.
Твоя вина, моя вина...
Привыкли.
Смотрим друг на друга.
Несостоятельность идей
И обстоятельства некстати.
Какая глупость!
Глупый платит
За то, что глуп, за то, что сыт,
Что в полночи луна повисла,
Что где-то дождик моросит.
И счет немалый.
Числа, числа.
Работа только подсчитать.
Принять к ответу невозможно.
Прохожий вор, знакомый тать.
С дубиной, с паспортом подложным.
На вид блаженный - совесть, честь.
Радужный, искренний и чистый.
Способен в сердце, в душу влезть,
Пробраться выступом скалистым,
Прокрасться тенью под стеной.
Стена,
Стеной...

И мир иной!
А знаешь, я уже там был.
Нет ничего.
Бескрайний, в вечном,
Я отдыхал.
И желтый ил
Копился там, где я безопасно
Прилег, утративший тепло,
Оставив силы...
Унесло
Меня меж звезд, во млечный путь.
Где нет любви, где все неважно.
Где при желании вздохнуть –
Такая тяжесть!
Давит влажный,
Слоистый ил и тишина,
Пластом слежавшееся время.
Где так стабильна тяжесть сна,
И так статично это бремя,
Что я не знаю, кем я был,
Когда и где все это было.
Какую женщину любил,
Как жег мороз, как вьюга выла,
Как наступила тишина.
Какая внешне, кто она.
Кто плакал, надо мной склоняясь,
Ломая руки в изголовье.
Все вперемешку.
Чьею кровью

Омыты стены и помост?
Да, необычен.
Да, непрост.
Да, может быть,
Да, справедливо.
Вполне возможно, что приливом
Меня на берег отнесло,
Вал откатился,
И весло
Уже не нужно,
Я проснулся!
Другое небо!
Оглянулся,
Не узнаю себя в воде.
Чужой в чужом.
Где дом?
Нигде.
Один в таком огромном мире.
Слова тяжелые, как гири,
Свалялись в ком на языке.
А я нагой, я налегке.
Стою без опыта, без знаний.
Только туман, штрихи названий.
В тумане символы имен.
И, превознемогая сон,
Взрывая тишину покоя,
Разбрасывая желтый ил,
Мне нужно жить, творить.

Творил, творил ведь я когда-то!
В каком, в четвертом, в третьем, в пятом
По счету, мире я живу?
Рощу деревья и траву,
Люблю, рожаю, рушу, стою.
И, отряхнувшись от покоя,
Могу весь мир перевернуть.
Могу случайно намекнуть.
Могу стереть в песок и камень.
Могу, взлетев над облаками,
Не зная веса и преград,
Согреть горячими руками,
Благословить, отправить в ад.
Простить, не требуя наград,
Или из камня мир создать,
Стену, страну и благодать.
Стоять и видеть из окна: -
Стена,
Стена...
И пелена!

Боюсь воды.
Боюсь огня.
Боюсь упасть во мрак летящий.
И, сталью грозною звеня,
Над головой, над гомонящей
Густой толпой, огнем палим,
Промчатся, рассекая вечность.
Потом, лакей и подхалим,
Обжив глухую оконечность
Кривой косы на море зла,
Судить, карать, не понимая,
Что правды нет.
Она зола.
И что кривее всех прямая
Дорога,
Что у нас
Она идет через болото,
В греху увязнуть чьих-то глаз.
И чтоб нахальный, хитрый кто-то
Сумел запрячь, стянуть супонь,
Хлестнув вожжами, гаркнуть громом:
- Пошел!
Сухое ешь, не тронь
Траву.
Стерня, солома
Твоя еда.
Ведь ты – осел!

Боюсь, боюсь сгоревших сел
И городов – кирпич с щебенкой.
Боюсь, что крепкой сетью тонкой
Меня опутает обман.
Боюсь кровоточащих ран,
Не заживающих годами.
И поездами, городами,
Бродить, как призрак, весь в беде.
Боюсь, когда огонь в воде,
Боюсь, когда вода с огнями,
И все горит, и все течет.
Что незаслуженный почет
Вдруг обернется грозным гневом.
Боюсь быть правым или левым.
Все одинаково смешны.
Рабы тельца, рабы мошны,
Друзья желудка и морали.
И все грешны, и все страшны
Своим цинизмом.
Раньше брали,
Сейчас берут, и будут брать.
Сейчас плюют, и наплевать
Им всем на то, что завтра будет.
А ну их всех!
Пусть Бог рассудит
Кому, за что, какая честь.
А я боюсь чужое съесть,
Жестоким быть и добрым слишком.
Боюсь, что будто фотовспышкой

Затмит глаза ненужный гнев.
Боюсь, что как издохший лев,
Вдруг стану легкою добычей
Стервятникам и подлецам.
Боюсь, боюсь остаться сам,
Забыт и предан лучшим другом.
Что, ветром поднятый упругим,
Упав на камни, разобьюсь,
Святым и праведным ругаясь.
И только смерти не боюсь.
И только смерти не пугаюсь.
Тому, кто волен уходить,
Она не может повредить!

...Мы дадим прочесть
тебе
и ты не забудешь...

Коран. Сура 87
Высочайший. Аят 6 (6)

ВЕРНУСЬ!

Я обязательно вернусь!
С тобой порадуюсь, поплачу.
Если грустишь,
Развею грусть,
И выпью за твою удачу.
Я обязательно вернусь.
Через окно отвечу взглядом.
В толпе оклики - обернусь.
Свечу зажги, я буду рядом.
Никто не смеет осудить
Меня,
Что не сумев прощаться,
Я буду утром уходить,
Но каждый вечер возвращаться!

Вина... -
Невинна, не виновна?
Вино и вены... -
Обвинить?
Закат горит.
Как сок морковный
По сини брызжет.
Синь,
Синить,
Синить, подсинить.
Ложку сини
На кружку с кровью!
И макать
Там, где, как кости в апельсине,
Над горизонтом облака.
Где спелой тыквою хрустальной
Скатилось Солнце за барьер...
Нескладный, пыльный и печальный,
Дегенерат, пенсионер,
Прощально желтой лапой машет
Усохший знойным летом клен.
Он удивлен?
Не удивлен!
Ему мороз и снег не страшен,
Ему поломы не изъян.
Он счастлив, что, весной украшен,
Рожал настойчивых семян,

Что их, настырных и смысленых,
Звала земля, и что не ней
Они слились ковром зеленым,
Сплетаясь нитями корней.
И все бы хорошо.
И можно
Годам и буре уступить.
Но кто же в этом мире сложном
Сейчас их может защитить?
Кто сможет там, где тень сгущаясь
И превращаясь в пелену,
Взять на себя, не возмущаясь
Их боль, печали и вину?

Однообразное ничто,
Которое нельзя измерить.
И мыслей ток.
И ворс пальто
Намокший, скользкий...
В сонном сквере
Скамейка мокрая пуста.
Опавший тополь - простота!
Стоит.
Его худые мощи
Не скроют серость низких туч.
Забыв горячий яркий луч
И сладкий запах клейкой пади.
И ни за что,
Ни Бога ради,
Одежды летней не вернуть.
Уснуть бы,
Навсегда уснуть!
Пусть ветер рвет, ломает ветки,
Пусть полыхает на мороз
Закат,
Пусть даже вздохом редким
Не колыхнется груз груди.
Не уходи, не уходи!
Ушло.
Досада, не вернется!
И только ствол под ветром гнется

И жгут некрозы по коре.
Теплом нежданной в январе
Случайной ласки сдавит сердце.
Как вырвавшись из узкой дверцы,
Плеснет по кроне теплый сок.
И будто кистенем в висок,
Опять мороз погубит почки.
А строчки,
Нежные листочки –
Набор ругательств в бранной фразе.
Однообразное ничто
Среди других однообразий!

Не время ль уступить зиме
С ее деревьями и мглою
Чужое место на земле,
Некстати, занятое мною.
Белла Ахмадулина

- Вопросы ... есть? –
Прошу присесть!
- И судьи будут?
Кто здесь судит?
Кто фасовал, кто создал смесь,
Кто нас собрал в одном сосуде,
Кто разложил под ним костер
Вражды, обмана и проклятий?
Игры без правил?
Кто растер,
Сдавил тисками предприятий,
Смешал, расплавил,
Распростер
В паранормальном перехвате
Над всем над этим руки?
Хватит
Гремучей смеси, чтобы сжечь,
Рассеять мощностью бризантной,
Заставить течь,

Заставить лечь
Под меч,
Заставить пренебречь
Своею шкурой элегантною,
Вмиг превращая постулат
«мы все прекрасны несказанно»
В обычный фарс.
Мы не прекрасны. Мы – дерьмо!
Мы мир загадили собою.
Мы бесполезны, как бельмо,
Как пляжи с нефтяной каймою,
Как смог и стоки грязных рек.
Мы все,
Ни кто-то, имярек
Такой-то, мерзкий, гадкий,
Швыряем Землю в пламень адский,
Привыкшие всему вредить...
Скажу,
Кто вправе нас судить,
Какой субстанции удобно,
Нахмурившись лицом подобным,
Презрев молитвы,
Взвив перстом
Над нимбом,
Известить о том,
Что час пришел, собрались судьи...
- Прошу, присаживайтесь,
Люди...

Задумался...
Тупой болван!
Что, негде приклонить колени?
Окно? – окно.
Диван? – диван.
И все, что в комнате,
И лени
Твоей почет и благодать.
И все, что нужно было дать,
Теперь с тобой.
Теперь нормально?
Теперь ты счастлив?!
Пусто в спальне,,
И пусто в сердце.
Тишина в окно скребется.
Чья вина,
Чья боль, чей умысел холодный,
Чьих неприкаянных сердец,
Что «нет овец»,
И «волк голодный».
Что мрак бесплодный,
Что конец,
Конец нам ближе, чем начало?
Что занесло, что раскачало
Жизнь, как разболтанный рыдван?
Молчишь, задумался...

Остерегаюсь видеть сны...
Кривым ножом под подбородком,
Змеиным взглядом,
Поясным
Ремнем не шее,
Теплой водкой
И горьким вкусом миндаля
Приходит ночь...
Земля, земля!
Как пахнет глина на лопате,
Как пахнет вечность!
Вы копайте –
Взмах,
Комья в темноту летят.
Еще, еще, и как котят,
Нас жизнь выбрасывает в двери
Пинком, всердцах, срывая злость.
Еще, еще, и мы, как звери,
Вцепившись в мозговую кость,
Скулим, рычим и причитаем.
Ошейник
Теплым горностаем,
Мундиром в ярких орденах,
Тоскою в четырех стенах
Ласкает счастьем полный зоб.
Но бьет, колотит нас озноб.
И страшно: -
Что там впереди?
Или ничто?

И уходить
Давным-давно пора со сцены.
И мысль березовым поленом
Крушит нейроны изнутри.
Бурлит...
Желаете пари?
Нас всех забудут!
Мы – песок.
Мы – колосок
В огромном поле.
Наш слабый, тонкий голосок
Никто не слышит.
В частоколе
Наш прутик – слабое звено.
Осадком падаем на дно,
Застигнутые явью сна.
Роль не ясна,
Цель не ясна -
Перепрудили водоем.
Замерзли, сникли,
Под дождем,
Страшась и жаждая, мы ждем,
Когда в кромешной круговерти
Придет с повесткою в конверте
Сон,
Младший брат
Старухи-смерти.

Устал...
Такие времена!
Как будто размешали студень –
Хрящи и кости.
Седина -
И бес в ребро.
Как на погосте,
Кресты и звезды...
Как кресты!
Вина и чувство пустоты,
И чувство страха.
Пуст, как бубен –
Такой же плоский.
Мы забудем,
Я уверяю, блеск, игра,
Листва и ветви, и кора,
Все перепреет.
Даже корни, которые нельзя терять.
Тот – не такой,
Та...
Настрелять!
...та просто дура,
Просто дура!
Лицо смазливое, фигура,
Горячий ад с прохладным раем.

А мы все знаем, но играем.
Умеем и хвостом вилять,
И щеголять,
И удивлять –
Орлы,
Хлебнувшие из кружки.
Она же дура!
Настрелять,
Сложить, развесить для просушки
На солнце,
Как смердящий скаल्प
И свежесть снега чистых Альп,
И грязь помойки из канавы.
Все – вперемешку!
Боже правый!
Смотрю на разные кресты –
Стараются.
Вот я, вот ты,
За полу ловят, за рукав.
Пусть тот – «не тот».
Пусть я не прав.
Пусть все мы вместе идиоты.
Но есть же, право, умный кто – то,
Имеющий во лбу глаза,
И уши...
Проще доказать
Вину кого-то - скорый суд!

Верблюд!
Доказано: верблюд!
Старайся - плохо, не старайся -
Опять не то.
И собирайся,
Огонь горит, вода кипит.
И ладан корчится, коптит.
И лучше не смотреть, уснуть,
Взорваться, вспыхнуть, утонуть,
Нырнуть, как в темень ночью темной,
В чан головою забубенной!

Стена крошилась, как краюха,
Фонтанами взбивая прах.
Сухая глина, рыжим пухом
Смешавшись с потом на руках,
Стянула поры пленкой грязи.
Одна рука на перевязи –
Осколок в лучевой кости.
Не действует.
Покой в кисти,
Покой всему...
Не до покоя.
Вперед, не бойся, ты не сам!
А солнце, белое такое,
Скользит по мокрым волосам.
А ветер гонит дым и пламя
Из кучи взорванных лесин...
Пусть лучше не приснится маме
Ее двадцатилетний сын.

Не превзойти, не объяснить -
Не объяснимо!
Так далеко...
Куда еще идти?
Поймать, как ветер, пролетевший мимо,
И задержать, как путника в пути.
Ушедшее, далекое, родное...
В каких материях его запечатлеть?
В каких вещах, где все переходное,
И как измерить, взвесить и воспеть?
Ушло, не возвратится.
Нет возврата!
И только память, общность стольких искр,
Освятит то, что я любил когда-то,
Как будто свет,
Предельно быстр и чист.

Удобно? Правда?
Вы смелы!
Ваш мозг привычкой не стреножен.
Когда проблемы тяжелы,
Ни кандалы,
Ни злые рожи,
Навряд-ли вам мешают спать?
Вы не хотите хохотать?
А биться оземь, как истерик?
Нет?
Вы сангвиник, вы холерик?
Вам меланхолия вредна?
Ну что ж, допустим...
Холодна,
Противна, глупа злая ночь,
И все ее причуды злые.
То мысли убегают прочь,
То скорбные дела земные,
Сосредоточась в тишине,
Настойчивы.
Восток в огне,
А голова на пне
Седая.
То страх, пробравшись по спине,
В упор, в лицо глядит, в упор!
Блестит отточенный топор,
А палачи стоят, хохочут.
То тишь...
Кузнечики стрекочут.

Как жил?
Не слишком осторожен?
От суеты не огорожен?
Вокруг кружили злые рожи,
И был стреножен
Глупый ум?
Но гордый, думал!
Столько дум.
А сколько дел?
И что, напрасно?
Нет, не напрасно!
Небо ясно.
И ясно, что когда конец,
Конечно, быть должно началу.
И что бы жизнь ни означала,
Она всегда, всегда права!
Удобно?
Взмах -
И голова...

Слепой, не вижу?
Это свет?
Глухой, не слышу?
Это звуки?
Немой, молчу!
Как дать ответ,
Когда лежат безвольно руки,
И непослушное лицо
Не улыбается годами?
Когда «сплоченными рядами»
Идем за флейтой в глубину,
Когда за Бога – сатану,
Когда за ангелов –
Хвостатых, рогатых, умненьких чертей
Чуть ли не грудью, как детей,
Мы вскармливаем и лелеем?
Стоим, любимся и млеем,
А после – черепом белеем,
Обглоданные дочиста?
Закон рогов, закон хвоста,
Закон библейских поцелуев.
А мы, беспечные, балуем:
Пусть подрастут еще чуть-чуть.
Тому порукой смысл и суть,
Что те, кому и повезло,
Кто не в траве лежит сейчас,
Кому в глазницу, через глаз
Не проросли чертополохи,
И те в опале, скудны, плохи.

Не слышно? Тихо,
Темнота? Не видно?
Да, закон хвоста –
Стой, поджимай под брюхо хвост.
Пощупай роговой нарост.
Иди, иди, пасись зимой.
- Немой?
- Немой.
- Молчи, немой!

Сознаюсь, не всегда,
Но изредка, случайно,
Когда на город, как на пламя лед,
Падет туман
И свет, необычайно
Рассеянный и мертвый, вдруг пробьет
Стену молочно-бело-желтой мути,
И фонари, как капельки из ртути,
Тяжелые, скатаются в одно –
Иду и удивляюсь: город - дно,
Вернее бездна, водоем без края.
Резная филигрань из рая
Мельчайших капелек сверкает на пути.
Иду, иду, и хочется идти.

Плесни сюда!
Надеюсь, что не яд?
Ну, слава Богу...
Празднуйте, славяне!
А что молчите, из подлобья взгляд?
Почти подряд?
Вот-вот угроза грянет?
Не нравлюсь может, или что сказал?
Или что сделал, не осмыслив сути?
Не обессудьте,
Наша жизнь – вокзал.
Спешите, успевайте, не пасуйте.
Чужой? Чужое?
Будто поезда,
На разных рельсах люди на дороге.
К тому же годы... разные года.
К тому же поднятые, будто по тревоге,
Стоим, не выспавшись, на разных полюсах.
Внизу, вверху,
Как стрелки на часах.
Внизу, вверху.
И из подлобья взгляд.
Подняли, выпили.
Ну, что вино? Не яд?

Конкретно: да?
Конкретно: нет!
Конкретно, обо всем и срочно.
Смотрю и слышу:
Звон монет
Убогой наготы порочной
Развязный, потный, жалкий лоск.
И, ненавязчиво, не сразу,
Как-будто плавно, тает воск,
Как-будто в воздух метастазу,
Послал прожектор желтый луч,
И осветил, дробясь в плюмаже,
Лиц неестественный сургуч.
Поднял волну в ажиотаже
Зрачков и мимики, опять
В толпу вернулся за оброком.
Разрезал всех, ударил током,
Направо, влево, снова вспять.
Смешал, как-будто ненароком
И бросил в корчах в темноте.
Не те, не те, опять не те!
Вопрос – ответ.
Огонь и свет!
И руки-крюки, когти-пальцы.
Расправил на огромных пядьцах,
И жжет в глаза, как головешкой,
Нашел меня!
Чуть – чуть помешкал,

Перед прыжком, перед резней,
Смотрите - он!
Играйте пешкой!
В подпол, с мышиною возней.
Как на прицеле – на примете.
Смотрите, он за все ответит:
Дележ, обман и звон монет.
Конкретно: да?
Конкретно: нет!

Вы понимаете меня,
Есть смысл вступать в переговоры?
Нет света.
Только головня
Дымит в руках.
А вы, как воры,
Крадетесь в темноте, у стен.
Мешок с добром – ценнее нету.
За этот хлам, позор и плен,
За эту рухлядь всю планету
Живущих, сущих, мертвых граждан,
Кого-бы ни было, не важно,
Убить, забыть, закабалить,
Продать, купить, отмыть, облить
Кого-то грязью, пнуть в болото.
Лишь бы никто, не дай Бог кто-то
Вдруг «заглянул вам в котелок»,
Или кошмар: «черпнул похлебку»!
Да полно, кушайте.
Под попку
Подушечку...
Удобно, да?
Так будет мягче.
Господа...
Откуда вы такие, люди,

Пришли, пробрались.
Кто осудит
Или оценит ваш цинизм?
Позор, эксгибиционизм –
Смотреть-то не на что!
Противно глядеть на жрущий, лгущий рот.
Народ... народ...
Какой народ?
Обычный сброд
Поевших всласть.
Присвоивших суды и власть,
Чтобы удобней было красть,
А прикрываетесь народом.
Идите... лучше... огородом!
Без света, с вашей головешкой,
Но осторожней, не замешкай!
Сверкнет искра - и брешь сквозная
В стене плетней и огорож
Не спрячет ваш топор и нож.
Вдруг ваших «симпатичных» рож
Коснется пламя, вас узнают!
Хотите говорить со мной?
Да нет, идите стороной!

Я к вам приду.
И пусть меня узнают.
Сейчас и здесь.
Как раньше,
Без души,
Без жалости,
На колесе ломают.
Сплеча, наотмашь –
Перелом, ушиб.
А все равно приду!
Смотрите, люди.
Ловите не оттенки и мазки,
А только суть.
И вам наградой будет
Полет и мудрость.
Серебро несут,
Лопатой нагибают?
Это крохи.
Цена всему... но это пустяки.
Жиреют, празднуют богатые пройдохи?
Не в этом счастье.
Руки коротки –
Всего не уложить и не измерить.
К тому же время – будто шум реки...
Какой объем в простом последнем вздохе?
В последней радости?
Что может вопреки
Пластам безвременья,
Где рядом, словно буквы

И цифры в формуле
Непризнанных вещей,
Франт в парике
И червь в лежалой брюкве?
Гримасы выгоняющих взашей,
И жалкий всхлип желающих остаться?
Статичность форм,
Не следует метаться?
Хозяин, не засушенный Кощей,
Живущий вечно в паутине склепа,
Жующий плесень,
Следующий слепо
Превратностям протоптанной тропы.
Нет, вы увидите,
Что вечность так нелепа.
Что в каждой пропасти
Всегда найдется дно.
И время, то, что нам отведено,
Пусть капля в море,
Но оно искрится!
Вам нужен свет?
Я подарю вам свет!
Как громом, молнией,
Как болью в пояснице,
Так, ожидая, я не знаю, сколько лет,
Весной, с рассветом, осенью в саду,
Меня узнаете,
Я все равно приду!

Я верю - дождь пройдет,
И мы забудем сырость.
Потом пройдет война -
И мы забудем страх.
Где в темноте шрапнель
Над нами проносилась,
Промчится светлый день
На молодых ветрах.
Из топи берегов
Кораблик наш бумажный
Увидит чистый пляж
И цвет морской волны.
А там, где гром гремел
Волной многоэтажной,
Останется аккорд
Звонящей тишины.

Пойду...
Не буду вам мешать!
Добились – празднуйте.
И ладно.
Пойду, пойду...
Не мне решать,
Не может пеной шоколадной
Кипеть у Сатаны котел.
Там варят серу!
Ни костел,
Ни сладкий опиум причастья
Ни обещания наград,
Тому, кто ничему не рад,
Не возвратят секунды счастья.
Не сможет деревом ветвистым
Стать улетевший дым костра.
Давайте выпавшись, с утра,
Опохмелившись, с мыслью чистой,
Все окропим святой водой.
Потом потрусим бородой,
Заумные псалмы читая.
И не поможет!
Тень густая
Не скроет серость скорбных лиц.
А «писк испуганных синиц»,
Благополучие суля,

Нам не заменит «журавля».
Вы веселитесь?
Новоселье?
А я пойду.
Не до веселья.
Ваш груз и на моих плечах.
Пойду, подброшу дров в очаг!

Из поворота –
В новый поворот!
«Друзья» упитанны,
Полнеют, хорошеют.
Набит жратвой
Жующий жирный рот
Кабаньей морды с необъятной соляной шеей.
Сижу, гляжу...
Забитый ли, убогий?
У поворота...
Грязь черным черна!
Облапанные мысли-недотроги
Замотаны в обрывки полотна.
Предательства, обманы, сплетни, слухи
Расковыряли в сердце перелом.
Заботливые, грязные старухи
Мне утирают сопли подолом.
Чему меня научит горький опыт,
«Бревно в глазу» и «пол, покрытый льдом»?
Забуду ржание, навоз и конский топот.
И выстрою из этих «бревен» дом!

Прошу, не нужно обо мне.
Звонящий свет волной стоящей
Плеснул по гулкой тишине
И гром ахнул!
Псом скулящим
Запричитала тишина.
Как перст, на всей земле одна,
Она вспорхнула в небо птицей,
Блеснула росчерком в ночи,
Размахом, кругом...
Нет свечи!
Потухла, вечером задута,
Дрожит, раздетая, разута,
Луна, пощечина, струна!
А ветер стоном из окна -
Да будет ночь!
Стена, стена!
Пройти нельзя, стена в засаде.
Ложись, она тебя зовет.
А ветер сушит горький пот
И просит, будто о пощаде,
О светлом утре...
Бога ради!
Сейчас - в ночи,
Зимой суровой -
Повой, поплачь и покричи.
Потом весна, тепло...
Ты снова

Потрогай фитилек свечи.
И пусть за спичкой брызнет свет!
За светом утро, снова вечер.
Возьми, закрой глаза покрепче,
Увидишь Солнце в этот час,
Окно, как ирис чьих-то глаз,
В непробиваемой стене.
Да что все время обо мне?
Давайте говорить о вас.

Доверенность?
Не верю никому!
Доверчивость - разменную монету-
Схвачу, сомну, развею по всему
Напичканному ложью белу свету.
От слова верно – верность?
Ерунда!
Запутанным, глухим путем тернистым
Кочует верность, тает,
Как вода,
Сбегает вниз по склонам каменистым.
Глядит на сжатую, затоптанную тьму,
На жизнь за тараканьими пазами,
На глупую людскую кутерьму
Испуганными детскими глазами.

Дожился: мрак!
Совсем сошел с ума.
Туман и тьма.
И грешен, трижды грешен!
Через плечо из полотна сума.
Рогожа, лапти - сирость,
Весь обвешен
Репейником.
Бреду...
О, долгий путь!
И знаю, что нельзя,
Что нет возврата,
И сердце ухаает.
Упасть бы, отдохнуть
В грязи ли, в луже.
Что ума палата
Тому, кто хочет кушать, лишь балласт,
А впереди – разломы, целый пласт
Разбросанных костей по огороду.
Как будто отошли, иссякли воды,
А я остался...

Мы растеряли, что смогли,
Себе не находили равных,
Теперь обломки и угли
В траве,
Где кости православных
Истлевшей ветошью знамен
Прикрыли тусклые награды.
Мир заклеямен.
Труха имен,
Балы, помойки и парады,
Развязный цвет, противный звук.
Гребущий жест нечистых рук –
Жулье, ворье, зверье, тварье
Грызутся, делят кости.
Наши...
Судачат, грязное белье
Перебирают.
Кто-то машет
Исподним.
Видишь здесь пятно?
Это когда ты...
Помнишь случай?
Рекой вино, рекой...
Оно
Уже по горло!
Мерзкой кучей
По белу свету расползлось,
И мир переполняет злость!

Конец, конечность, бесконечность...
Секунду подожди, постой!
Неверный шаг - и сразу вечность
За виртуальной чертой.
И сразу решены вопросы,
И сходу подошли ключи.
И, будто кончик папиросы,
Чуть тлеет фитилек свечи.

Раскудахталась скрипом калитка,
Домотканой рогожею тень.
Утомленна, пахуча и липка
Голубая, как небо, сирень.
Ветер крепкой рукой обнимает,
Освещая расшатанный мост,
Из-за тучи легко вынимает
Светлый месяц с короною звезд.

Нет, нет,
Я жив!
Вот видите, дышу.
Не трогайте,
Смотрите, сердце бьется.
Но грязный, рыжий, полоумный шут
Мне корчит рожи, скачет и смеется.
Глумится, сволочь!
Встану, размахнусь
По мерзкой харе, чтобы откатился.
Не гнутся руки, тело, я не гнусь.
А этот на колени опустился,
Холодный, скользкий, мокрый, как вода.
Цепляет головой за провода!

Сейчас, почти...
Переступить черту!
Психологически, уже переступили.
Канву условностей, реальность и мечту
Сплели, связали, кровью окропили.
Смешали...
Кровь!
Проточна, как вода.
Комки запутанных солено-горьких истин,
Зачатки тромбов.
Трудно угадать,
Каким путем, кремнистым, каменистым,
Какой дорогой запрещенных тем,
Тропою неизвестных ощущений
Промчится мир,
Взорвется, а затем,
Насытившись упреков и прощений,
Осколками разгоряченной бомбы,
По сторонам, по сторонам, во тьму!
Блеснет гордыней, куражом, апломбом,
И снова в кандалы, в тюрьму,
В крысиный лаз, в тартарары.
Лузгою жалкой мишуры
Сгорит в костре его игра
На задней стороне двора.

Дышать, дрожать, смердеть, ходить?
И ждать, когда придут болезни?
Из праха город городить,
Жить в нем, немой и бесполезный,
Накрытый сумеречной мглой,
Лавиной глупости и срама?
Здесь вечер злой,
Здесь ветер злой.
Здесь правит пиковая дама.
В лицо вдавила острие,
Грозит «бубновым» интересом.
Брюзжит, беззубая, жует,
Сдавила челюстями стресса.
Морозом, вьюгой, ливнем, зноем
Сжигает сердце этот взгляд.
Земной, земное...
Выпить яд!
Вернусь назад.
Там хорошо.
Там ждут, и видимо, я нужен.
Рассыпав звездный порошок,
У синей глади вечность кружит,
Молитвою в душе звеня.
И ждет меня...
И ждет меня...

Пустой, пустое...
Холод скал.
Пустые хлопоты в пустыне.
Опустошенность, перекал
И пережог.
Пока остынет,
Пока нагреешь тусклый взгляд,
Протрешь пустые побрякушки,
И снова в голове палят
Нажравшиеся злости пушки.
А я их теплотой ласкал.
Ласкал, лелеял...
Перекал!

Одинокое, глупое, серое...
Ночь, не ночь –
Как поруганный день
Преклоняюсь, смиряюсь и верую,
Отметаю легко дребедень.
Непогоду, обманы безвластия,
Все прощу.
Вы готовы?
Прощу
За минуты беды и несчастья.
Не жалею, не жду, не грущу.
Перед видом границы и пропасти,
Паровоз, выпускающий пар,
Я не знаю ни боли, ни робости.
И не стар.
Или, может быть, стар?
Все равно.
Я пришел, отворяются
Ворота,
И ликующий свет
Бьет в глаза, бьет в глаза,
Подымается
Надо мною закат и рассвет.

Сначала, мысль, искра, огонь.
Пожар!
Земля под страхом стонет.
Бурлит, кипит, шипит –
Не тронь!
В горящих душах, как в патроне,
Бушует перегретый газ.
Он рвется, он несет наружу
Свой гнев,
Переплавляет стужу,
Он автогеном хлестких фраз
Торит прорехи в обороне.
Еще секунда - и на троне,
В короне,
Грязный, глупый шут.
Крах!
Не раскрылся парашют.
Все предали, и старый царь
Лежит в кладовке мертвым грузом.
Забыт, остыл...
Белеет пузом,
Чернеет синевой ногтей.
Интрига шутовских затей
Его, глухого, не волнует.
Пусть рожу сытую свинную
С экрана корчит всей стране

Тот, кто нашел успех в огне,
Тот, кто нашел успех в крови.
Лови удачу, позови.
Зови, зови, она придет.
Совет, хохоchet, идиот!

Все просто, если так не усложнять.
Рывок, бросок, догнал, отнял - и кушай.
Обычная крысиная возня
В канаве над уже протухшей тушей.
Обычный треп позеленевших губ,
Ума убогого докучливые скрипы.
Блестит топор, застыл холодный сруб,
И мысли давят, как созревшие полипы.
Найду слова, чтоб били по лицу,
Срывали парус, поднимали флаги.
Чтобы никчемному моральному скопцу
Добавили бы чести и отваги,
Перевернули сволочной мирок,
Где правят подлецы и шарлатаны,
Где достаются из камина точно в срок
Для них горячие, съедобные каштаны.
Где эта нечесть на плечах лежит,
И давит, не возможно повернуться.
И чтоб слова, не утонув во лжи,
Сумели бы умытыми вернуться!

Прошу, останься!
Всюду ночь,
Мороз,
И ветер топчет крыши.
А темень, липкая как скотч,
В окно моторным храпом дышит.
Перелопаченный клубок
Голов, хвостов, змеиных спинок
Ногою отодвину вбок.
Пропахший ладаном с поминок,
Серьезный, глупый, скорбный вид
Сниму и выброшу в кладовку.
И вдруг, скорбящий индивид,
Немой, потерянный, неловкий,
Я разведу беду рукой,
Как-будто вынутый из шляпы,
Ток мыслей потечет рекой,
Начтет сочиться, воском капать,
Взрываться канонадой слов,
Нестись огнем поверх голов,
Гореть, не тая, впереди.
Ты только стой, не уходи!

Всегда так было.
Здесь Луна
Висела в голубом пространстве,
Здесь укрощенная волна
Ласкала берег, в постоянстве
Своем изысканно верна.
Здесь время шло,
Но седина
Седых вершин на горизонте
Сверкала сахаром...
Не троньте!
Как мир прекрасен, неделим.
Его дробить недопустимо.
Он пронесется искрой мимо,
Но не затронет тишины.
Пусть мысли утяжелены
Конечностью твоей тропы.
Она прервется, где шипы
В ладонях, ступнях и челе,
Напомнят о случайном зле,
А сладкий сахар на губах
Напомнит о случайном счастье.
Куда, откуда, чьею властью,
И почему, кто приказал –
Она сбежала вниз со скал?

Забросила весна
Свои частые сети.
Как просто в них запутаться,
И не заметить.
Как просто показаться
Нелепым и странным,
Как просто потеряться и не найтись,
Где память пеленает
Душевные раны,
Упрямая, твердит
Про снега и бураны,
Про сердце,
Что оно не насосы и краны,
Что сердцу
Нужно падать и рваться ввысь.
Но ветер, как всегда,
Шевелит занавески
И все мои слова
Недостаточно вески.
И снова я не в силах
Тебя переспорить,
И снова все упреки твои горьки.
И все у нас опять
Удивительно сложно,
Как-будто нам друг друга
Понять невозможно,
Как будто мы с тобою
Далекие страны,
Как будто мы с тобою материки.

За спиною крылья,
На ногах колодки.
Из бутылки вылью
Я остатки водки.
Выпью, поперхнувшись,
Гадостью противной.
И усну, проснувшись
Глупый и наивный.
Что вверху?
Пустыня.
Впереди?
Пустыня.
Почернеет сердце,
Сморщится, остынет.
Дни мои остались –
Кони серой масти.
Не догнать, умчались
Молодость и счастье.

Не старайтесь, Бог мой!
Все, что просите, полно-те - ваше.
Недопитая кровь,
Недогрызанный хрящ на кости.
Заберите любовь!
Что быть может ценнее и краше?
Что обрящий еще,
Может в сущность приобрести?
Оставляю для вас
Время, свет, тишину и пространство.
Завещаю рассвет,
Завещаю малиновый звон.
Разбредусь, отзвучу, потеряюсь
В объятиях транса,
Отражусь фитильком
На блестящем окладе икон.
Улечу, растворюсь -
Разбросай, растерзай меня, небо!
Между меркнущих звезд,
Между ярких, горящих светил.
Пусть вернусь я дождем,
Пусть вернусь я краюхою хлеба,
Пусть прощу всех, кого
Я прощаясь, еще не простил.

Белая равнина,
Белая река...
Ночь уставшим клином
Гонит облака.
То кричит, то ропщет,
То бранит мороз.
То бинтует мощи
У старух – берез.
Гонит снег, кочует
По речному льду.
Воет, будто чует
Горе да беду.
Белая равнина,
Настоящий ад!
Это ты невинна,
Я-то виноват.
Поделюсь виною,
 Попрошусь в тепло.
Тяжело со мною?
Знаю, тяжело!

Не надеяться, не верить, не проситься!
Горек вкус несбывшихся надежд.
Сединой ковыльной колосится
Лоск полуизношенных одежд.
Занявшись истертою клюкою,
Крюков-пальцев паркинсонов пляс
Теребит.
А хочется покоя,
Хочется сочувствующих глаз.
Не того покоя, у границы,
Где вся жизнь осталась позади,
Где года-вагоны вереницей
Отдают одышкою в груди,
Где старуха с высохшею грудью
Искривясь, гнусавит жуткий текст.
Господа присяжные и судьи,
Я преступник!
Из далеких мест
Я сбежал сюда, домой, где детство.
Где ладонь липка от монпансье.
Где есть место,
Для меня есть место!
Тут я глупый и такой, как все.
Искупавшись в ручейке, я счастлив.
Как снаряд, покинувший пращу,
Я лечу.
Я не прошу участия.
Обвиняете?
А я вас всех прощу!

Заржала ночь, дохнула храпом.
Промчалась с гиком по стерне.
С лицом разбойника арапа
Стучится в горницу ко мне.
Свечу задула дерзким свистом.
Дрожащий свет не сохранить.
И звезд блестящее монисто
Швырнула, разрывая нить.

Лопушонок, пенек,
Забродившее месиво теста.
А туда же - герой!
Не надышится, бредит весной.
Дурачку невдомек,
Что нигде ему нет больше места.
Что уже затянулся
На шее ремень поясной.
За окном хлещет дождь,
А в каморке цветет паутина.
За окошком рассвет,
А в каморке лежалый закат.
Ничего больше нет,
Только тлеет на скулах щетина.
И лежат – «три в одном».
Все:
Судья, прокурор, адвокат.

Упаду, растаю,
Высохну и сгину.
Словари листая,
Родину покину.
По родному – кукиш,
По чужому – «здрате».
Поумнеешь, купишь.
А пока - украсть бы.
А пока - кто знает,
Дай Бог, чтоб не спиться.
Эх ты, жизнь смешная,
Эх ты, заграница.

Без специй и приправы
Варюсь в чужом соку.
Виновен был и правый
Я на своем веку.
На старте и в финале,
Во сне и наяву,
Все ждал,
А вы не знали,
Что где – то я живу.
Был речкой, был колодцем.
Поил всех.
Не пойму,
Что ж мне не удастся
Напиться самому?

Сорвали – ешьте.
Зачерпнули – пейте.
Догнал, поймал – силен!
Твори очаг.
А ветер в щелях свищет, как не флейте,
Гудит в пустой посуде на плечах.
Гримасничают тени за спиною,
Гримасничают, пляшут по стене.
Случится пусть,
Но лучше не со мною.
Стучатся пусть,
Но лучше не ко мне.
Команда: фас!
Летят, на все готовы.
Открыта пасть –
Напасть, напасть, напасть!
Богатство, власть?
Берите, ваше, что вы!
Ведь у меня другая ипостась.
Я не хочу сгибаться.
Пусть зацепит,
Сорвет башку,
От всей души смеясь.
Я упаду,
А вас задержат цепи.
Только не в грязь,
Не дай Бог, чтобы в грязь!

Уже не больно.
К счастью, все прошло.
Едва затронуло, немного навредило.
Срослось случайно перебитое крыло,
Как-будто никуда не уходило,
Вернулось в стойло,
Вот оно, с тобой!
В горячем пойле – чешуя селедки.
Нажрался, сытый.
Будто на убой накормленный.
Набит живот, а в глотке -
По самый-самый воровской кадык -
Уже разбавленная кислотой похлебка.
Счастливый...
Боже, как она горчит,
Когда с отрыжкой!
Глупый, слабый, робкий,
В своих проблемах, суете, грязи
Весь вывозился,
Ну, вези, вези.
Кому она нужна, твоя возня
Пойди еще покушай, размазня!

Ни даль, ни бездна...
Ничего!
Нельзя вперед, нельзя обратно.
Свирель хрипит, визжит фагот.
На черном клейком снеге пятна.
Это шаги –
Огонь идет!
Горит огнем холодный лед,
Горит огнем, пылает, тает.
Течет и каплет: -
Кап, кап, кап...
Звенит будильник.
Черт...! Светает.
Во рту язык, как будто кляп.
Не выплюнуть, не откусить.
Кап, кап...
Водички попросить?
Пусть пот утрет, пусть вытрет нос...
Куда ты делся, водонос?

Скрюченный, всклокоченный,
Дом соломой крыт.
Окна заколочены,
Печка не горит.
Ветер в сенях топает,
Не войдет никак.
Рассердившись, хлопает
Дверцей на чердак.
Бьется ставней скошенной,
Плачет по судьбе,
Как котенок брошенный
В дымовой трубе.

Нет надежды...
Где же ты, надежда?
Села на вчерашний пароход?
Не твои ли белые одежды
Перепачкал красками восход?
Не твоих очей печальных лужи
Он забрызгал едкой кислотой?
Скоро под ногами пыль закружит,
Засыпая ломкий сухостой.
Скоро, скоро, не таясь, накроет
И придавит безнадежный зной.
Скоро обратится из героя
Гордый рыцарь жалкой «размазней».

Каждый раз я вижу сон:
Лето возвращается.
Возвращается пряная ночь
Звездная, хрустальная.
И прощальная.
Каждый раз скользит Луна.
Каждый раз теряется
Между мрачных, встревоженных туч
Яркий серебристый луч.
И встает туман.

Посмотри, посмотри,
Посмотри на меня из тумана.

Не могу понять, зачем
Злое небо хмурится.
Почему ветер листья несет
По пустынной улице,
По моей душе...
Не могу сомкнуть я век.
Синих глаз созвездия
Осуждая, с упреком глядят,
Словно ждут возмездия.
И встает туман.

Посмотри, посмотри,
Посмотри на меня из тумана....

На постели, дома
И на пасху.
В воскресенье...
Свят, свят, свят, свят, свят!
С кротостью смиренной, без опаски,
В темный морок, как в цветущий сад.
Млечный Путь росой под ноги ляжет,
Отольется золотом волос.
Только жаль, что сердце болью свяжет
Горький смысл того, что не сбылось.

Так получилось.
Опоздал, остыл...
Не удержал –
Скользнуло и разбилось.
Из смысла жизни очень быстро стал, постыл.
Из благосклонности легко попал в немилость.
Переварилась верность...
Правды нет!
Остались хитрость, ложь и осторожность.
Из общей горницы вселился в кабинет,
Из простоты заматерелся в сложность.
А предисловие?
А сущий воск и сок?
А вкус плодов, а торжество идеи?
Нет...
Мысли мечутся, как высохший песок
И пляшут, как подпившие халдеи.

Запутался в своих следах.
Петлял, блудил - и заблудился.
В каких далеких городах,
Спроси – не вспомню.
Разрядился.
Я понимаю, растерял
Надежность, ловкость и сноровку.
В том то и дело, что застрял.
Застрял!
Несносный полукровка.
Не волк, не пес – не разобрать.
И выть нельзя, и лаять глупо.
Приходится юлить и врать.
Молчать почтительно и тупо.
Молчать, когда душа в говне,
Молчать, когда противно, гадко
Перенасыщенной свинье
Вилять хвостом за шоколадку.

Лихое время –
Лес трухлявых пней,
И только-только появились всходы.
И только-только узелки корней
Проснувшись, жадно потянули воду.
Как вдруг из щелей,
Из поганых нор
Полезли вши, дохнули перегаром.
В руках гармонь, за поясом топор,
Кривляются, как черти за амбаром.
Перекалечили, не дали расцвести,
Свалили наземь, волокут куда-то.
Стараются быстрее отнести
И схоронить под переливы мата.

Стою, гляжу: по бездорожью,
Скрипя колесами в пыли
Бредут волы.
Гружены ложью,
Гружены срамом,
Тяжелы
Их расписные колымаги.
Заморский ветер треплет флаги,
Горой котомки и узлы.
За ними овцы и... козлы!
Козлы и овцы –
Просят, блеют.
Давай еды, давай питья.
Пока накормят – околеют;
В узлах одна галиматья.
И под ярмом худые клячи.
Куда придем, в конце концов?
Но пьяный возчик
Молча прячет
Рябое, глупое лицо.

Я чужд?
Я слишком горд?
Я неприветлив, празден?
О чем ты говоришь,
К чему твои слова?!
Что, так нелеп мой вид,
Так образ несуразен,
Как обо мне язвит
Досужая молва?
Но впопыхах свечу
Тушить дыханьем глупо.
Она горит во мне.
Она моя, моя!
Над нею темноты
Непроницаем купол,
Под нею чистоты
Непризнанной струя.
Ах, суета сует...
Все глупое суетно.
Не нужен стук копыт
Спесивых удальцов.
Где сердце гонит кровь,
Дробится костаньетно,
И ветер холодит
Поднятое лицо

Это сон.
Но не принимай его за бред.
Сон лишь иная вероятность жизни.

С. Лукьяненко. «Стеклянное море»

ЗНАКИ

Кипящий свет...
О, длинных рук закрючье!
Поток горячий из аорты вниз.
Глаза навывкате
И щупальца паучьи,
Вцепившиеся яростно в карниз.
Ножом под сердце,
Кистенем за ухом.
Лицо безумное испачкано слюной.
Рыдает ветер,
Как избитая старуха,
И стынет синий вечер
Надо мной.

Ты кто?
На ощупь – мягкий мех.
Кривые рожки, коготочки.
Скулит, мурлычит...
То ли смех,
А то ли плач...
В сережках мочки
Хрустящих ушек.
Часто дышит.
- Что ты здесь делаешь?
Не слышит.
Сняла с копытец сапоги.
- Брысь!
Убежала.
- Ну, беги...

Согласен,
Правильно во всем.
Согласен, правильно,
Но все же: -
Не переплавленный объем...
Не перестеленное ложе...
Так и не сказаны слова,
И не добился оправданий.
Все жду, все жду,
А голова
Седает в зале ожиданий.

Калечка -
Ноженьки кривые,
Неловкий горбик за спиной.
Глаза – цветочки полевые
Горят тоскою и виной.
Бубнит молитвы, причитает –
Ни стон, ни плач, ни крик, а вой!
Цепляет всех и матюгает,
Тряся побритой головой.

Боже мой, рассвело!
А казалось, что ночь будет вечно.
А казалось бульон
Забродивших под утро мозгов
Расплескается прочь,
Напитается духом аптечным.
Выйдет мутной водой
Из привычных своих берегов.
А комки простыней
И пропахшая потом подушка
Доведут до того, обжигая огнем крапивы,
Что реальностью станет
За зеркалом мама-старушка.
И поманит меня
В запотевший овал синевы.

Зрочки – не так!
Коричневая пленка,
Чешуйки, бородавочки, прыщи.
Скулит ли, причитает тонко-тонко
И жабрами припухшими трещит.
Совсем замучила.
Брыкается, икает.
Жует подушку, тербит края.
А жало желтым ядом истекает,
Как ржавчина по острию копья.

Не смотри на меня.
Я такой же,
Такая же сволочь!
Матерюсь и грешу.
Не крещусь, чертыхаюсь и лгу.
Разрази меня гром
В непроглядную черную полночь,
Выбрось грязной волной
На пустынном морском берегу!
Параллельная жизнь –
Сытый ангел с сиротскою торбой.
Хруст хрящей за столом,
Немигающий искренний взгляд.
Медь ревет - торопись!
Задышается пьяным аккордом.
И вперед, и вперед,
Возвращаясь по кругу назад.

Все как у всех.
Ни да, ни нет!
Игра в хмельном ажиотаже.
Через гардины хрупкий свет
На тень волос случайно ляжет.
Омоет черточки лица
В коварном облаке прически.
И долго – долго, без конца
Будет желтеть застывшим воском.

Не обратимо.
Еще миг -
И в мире ночь паршой прольется.
Намеченный пилою сдвиг
Холодной сталью прикоснется.
Неискренний, неловкий лед
Растопится гармонным ядом
И вечность потная придет,
Блуждающая где-то рядом.

Да хрипоты, до дурноты,
До всхлипов, лая, до икоты
С горящим кариесом рты
Дохнули вязкостью болота
На грязный мир, на белый свет,
В пустую глухоту стакана.
И искривился мир в ответ
Улыбкой мрачной истукана.

Не верится, что я умру.
Я просто не могу поверить,
Что трепыхаясь на ветру,
Что задевая шторы в двери,
Вдруг глупая душа вспорхнет,
Взлетит, легка и невесома.
И удивленная, вздохнет
В последний раз, лишившись дома.
Что незаметным, затаясь
Среди наиграно скорбящих,
Я, потерявший смысл и связь,
Уже ненужный, уходящий,
Буду на все смотреть слегка,
Еще вполне не понимая,
Что небо, ниже потолка,
Меня от тела отнимает.

Глупо, глупо...
Ни к чему не приспособлено.
Бред идей, аляповатость форм.
Суть в камзольчике неряшливого гоблина,
Мысль вола утратившего корм.
Глупость все,
Но до чего желательна...
Как экстракт несбывшейся мечты!
Подойдешь и спросишь обязательно:
- Это я?
А в зеркале:
- Да, ты!

Мысль полетом голубиным
Останавливает вдох.
Глаз встревоженных глубины
Просто застают врасплох!
Будто на снегу рубины.
Будто-бы вино из роз.
Будто ягоды рябины
Сделал сладкими мороз.
Бог собрал, сложил, расплавил.
Преуспел на этот раз.
И довольный, все оставил,
Чтоб огранить алмаз!

Четыре герца – забивают сваи.
В канаве пена – варится компот.
Визжат ребордами груженные трамваи,
Аж стекла окон прошибает пот.
Корявая, без глаз косою машет,
Кусает деснами колючую узду.
Горбатый пахарь по костям сохою пашет,
Навозным лаптем приминя борозду.
Капустный запах роз, сверчок за печкой.
Соседка сушит на веревке парашют.
И пьяный дедушка икает на крылечке,
Срезая с груши ноздреватую паршу.

Бокалы, люди, смех веселый,
Петрушка с приторным душком.
А я на блюде - голый... голый!
Лежу, натертый чесноком.
Блеснули искры, звук хрустальный –
Глотнули мутное вино.
И месяц заскулил печально,
Глядя в открытое окно.

Перепутанное знамение,
Перепуганные глаза.
Глушит запахом, душит пением,
Что-то хочет в лицо сказать.
Трет о камни, скрипит лопатой,
Бляху тискает на груди.
И оранжевою заплатой
В спину мертвой луной глядит.

Еще минута пролетела,
Опала хрупкою золой.
Горело, трепыхалось тело,
Вращалось в суете юлой.
Но все дела его истлели,
В суставах заскрипел песок,
И на морщинах липким гелем
Свернулись в красноватый сок.

У... какая вьюга!
У... какие зубы!
Снег колючий тает
За воротником.
За чертою круга
Свет пошел на убыль,
И комком летает
Мох под потолком.
Кружит... уже... хуже...
Но откуда сила?
На декабрьской стуже
Прошибает пот.
Как горбом верблюжьим
Степь перекосилась.
Будто бы взбесилось
Все под Новый Год!

Старичок
В сермяжке, в лапоточках.
Глазки – бусинки,
Серьезный важный вид.
Прядь волос...
В поношенных порточках...
Самоварище-громадина кипит.
Улыбаясь, в чашку насыпает
Горсть заварки.
Пучеглазый кот
На коленях мирно засыпает,
Выставив лоснящийся живот.

Котелок набит картошкой,
Пережарен в масле лук.
Проворачиваешь ложкой –
Завораживает звук.
По газете апельсином
Помидор разбрызгал сок
А вверху, за парусиной
Стынет месяца кусок.

Стоит старик –
Суровый лик
И юноша.
О чем-то спорят.
Один повелевать привык.
Другой всегда во всем покорен.
Но вот сейчас перечить стал.
Чей будет нынче пьедестал?

Слава Богу,
Что закончились дожди,
И трава теперь
Найдет себе дорогу.
Слава Богу,
Самозванные вожди
Вроде примирились понемногу.
И планета, сделав оборот,
Не вернется снова в то же место,
Где замерзший, в суете народ
Ждет весны,
Как ночи ждет невеста.

Черный, мерзкий, гадкий,
Точит желтый клык.
Зыркает украдкой,
Дергает кадык.
Прыщ, с лицом пожухлым,
Разевает рот.
И ласкает пухлый
Воровской живот.

Гляжу в окно:
Уже пора.
Снег мостовую замечает.
Мороз с утра .
И снег с утра.
А мне пора...
Как золотая
Полоска света фонаря
Тускнеет, предвещая утро.
И неприметная заря
Рябит осколком перламутра.

Все временно.
Осознаю, что так.
Все изменяется -
Изменчивость, измена...
То отмирает все, как пустяк,
То вновь рождается
Из пустоты и тлена.
Копятся в проруби холодные угли,
Сливаются в симптомы и синдромы
И огорчаются,
Что ночью не смогли
Сгореть в стогу подгнившею соломой.

Что случилось?
От чего неискренность
В корчах перекашивает рот?
А грехов немислимая численность
Досаждая, водит хоровод?
Неспокойный сон...
Храплю, наверное.
Слышу храп, как половичный скрип.
Надышался, напился скверною,
К беспокойной совести прилип.
Задавил простотой действительность.
Забросала мокрою листвою.
Выросла из язвочки язвительность,
Превращаясь из молитвы в вой.

Прошло, прошло...
Какой виной
Я провинился?
Что со мною?
А ночь старухой больной
Исходит пеной и слюною.
А дождь покорный моросит,
И мысли, скользкие, как плети
Вплелись в обман,
Там, где висит
Луна,
Одна на белом свете.

Из несравненности — в опалу,
Из непокорности — в обман.
Деревьев вырванные шпалы,
Дуги железной ятаган.
Брезгливо оттопырив губы,
Вздыхает топкой жадный рот.
Горят поленья, будто зубы,
Корой березовой вперед.

Корчма -
Мослы и чечевица.
По стойке воблою стучат.
Скрипи, вздыхая, половица,
Коптит оплывшая свеча.
Сивушным смрадом тяжесть пота,
Со скоморошьей рожей плут,
Затянет песню хрипло кто-то
И со слезами все поют.
Мороз замазал окна дивно,
Гнилая крыша набекрень.
И ворон каркает надрывно,
Загадив краской охлупень.

Просит, плачет любовь.
Говорит: отпусти.
Хрупкой птицей за окнами бьется.
Отпустил - и ушла,
Не сказала „прости”
И не плачет с другим, а смеется.
Соловьиною трель
Глушит запахом ночь,
Маскарадными масками кружит.
Это крылья любви, улетающей прочь,
Мне виски сединою утюжат.
Это бродит в крови
Горький спирт, как вода,
Догоняет и топчет копытами.
Улетела любовь, унеслась навсегда
И оставила сердце разбитое.

Сон в руку:
Ночь и волчий вой.
В старушичьх морщинах пашня.
Сарай с понурой головой
Разбитое окно таращит.
К углу солому тени жмут,
И орошают лунной сытой.
А на стене висит хомут,
Как лошадиное копыто.

В забавах света вам смешны
Тревоги дикие войны.
М. Ю. Лермонтов. „Валерик,,

Пусть же они понесут
Свои ноши полностью
В день воскресения
И ноши тех, кого они
Сбили с пути без ведения.
Дурно то, что они понесут!
Коран.
Сура 16,, Пчелы,, аят 25 (27)

Перевал

поэма

1

У трех вершин,
Где звезды окружили
Сплошных туманов вяжущий сироп,
Где рвет архар
Железо сухожилий
О гулкой щебенъ караванных троп,
Где на лишайники
Безводных плато
Ложится бисером апрельская роса,
Из двух десятков
Выцветших палаток
Встал городок за полтора часа.

2

Взлет и падение,
Развенчанность и слава!
И память с незапамятных времен...
Забыть не смею,
Не имею права:
Я этой памятью навеки заклею.

Я этой памятью на все года отмечен.
Она как-будто крылья за спиной.
Она как тяжесть мне легла на плечи.
И я, переполняясь ей одной,
В полуреальности ее одну лелею.
Жалею ль я?
Наверное, жалею.
Что время-ветер
Прошумел и стих.
Что искрой молодость
Сверкнула - и не стало.
Что в громе фейерверков и шутих,
Потех и праздников назойливых
Немало
Убогой дешевизны плоских фраз
О вечных принципах
И торжестве свободы.
Что на виду, в оправе –
Мутный страз,
А бриллиант,
Как и в былые годы,
С обычным гравием уложится в бетон:
Не понят, не оценен и не нужен.
И не востребован...
Я, чистый камертон,
Людскою глухотой обезоружен,
Ловлю мгновения,
Не попадая в такт
И, резонируя всей общностью гармоник,

Стараюсь смысл, причину, соль, экстракт –
Все с достоверной простотою кинохроник
Собрать, вобрать,
Сложить и изложить
О тех, кто умер –
Тем,
Кто должен жить.

3

Кровать, окно, петардные раскаты.
Гул юбилеев, шумный карнавал –
Но вдруг из памяти,
Из сонной серой ваты –
Пыль как мука,
Трескуча как крахмал.
Эффект присутствия
На жаркой рыжей круче,
Где я у раненого пальцем прижимал
Разрыв артерии,
Но на песок скрипучий

По капле капала, сворачиваясь, кровь.
Солдат не плакал, только вздернул бровь –
И две слезинки из открытых глаз,
Стон из груди,
И вздох последний раз.
А автомат грохочет, только тронь!
Ствол как огонь,
И воздух как огонь.
И руки липкие,
И смрад горящих скатов,
И пятна грязные рубашек и халатов,
И крики
Резкие,
И колют как игла.
Фигурки прыгаю и падают:
- Алла...
Игра со смертью –
Глупая игра!
В прицеле чья-то жизнь:
Как мошкара,
Песчинкой мечется,
Мешает наводить.
Последний выстрел.
Все.
И нужно уходить.
Стук пальцев в двигателе,
Но... вперед, вперед!

Шлепки по кузову,
И тонкой стружкой в рот
Из мятой фляге желтая вода...

Дерьмо собачье!
Мы - жалкая орда,
Отмеченные тупостью лукавых,
Ни в чем не успевающих глупцов
Всегда, во всем
И безусловно правых –
Отцов народа...
Да каких отцов!?
Свинцом и глоткой,
«С шашками на танки»
Солдат пацан еще -
Панаму и в огонь.
А он сопливый,
А ему бы к мамке –
А он без ног лежит...
Своим, знакомым – бронь.
Вот эти учатся, а прочие болеют.
Своих не посылают,
Берегут.
Туда, где осыпи весенние алеют
От мака раннего.
Ни другу, ни врагу
Не пожелаю этой красоты.
Цветы – предупреждения,
Цветы,

Как капли алые на праздничном мундире.
Петлицы алые...
На срезе – белый яд.
Мы все завязли здесь,
В чужом, враждебном мире.
А дома Родину уставшую кроят!

4

Все.
Растащили, изгадили, предали.
Вы, “апостолы”...
Мать вашу грешную!
Сладко жили, кутили, обедали.
Принаряжены в «дуру потешную»,
Шельмовали, «крутили» и лгали.
Понавешали звезд и медалей,
Целовались с друзьями сердечно.
И считали,
Что все это вечно.
Умный праведник, честный святой,
С незапятнанным совестным ликом –
Одинаковы.
В тени густой,
Там,
Где нет отражений и бликов,
Без лампасов, погон и папах

Пахнут смертью.
И воздух пропах
Разложением, прахом и тленом.
Потеряют, сдадут непременно.
Было ясно:
Растлят, предадут.
Время скорби.
А годы идут,
Те, которым не будет возврата...
Грязь!
Ни что здесь не ценно,
Не свято.
Пустозвонство, болото, застой.
Но один говорливый «святой»,
Весь запятнанный
Внутренне, внешне.
Обманул,
Словоблудник пустой.
Обманул всю страну –
Что, безгрешный?
Брался править, поездил - и сдал.
Не сумел, просчитался...
Оскал,
Говорок,
Изъюлился лукавя.
Было все:
Миллионами правя,
Все имея,
И власть, и страну

Одним махом, не глядя –
Ко дну.
А сегодня улыбчив, потешен.
Продал все.
Столько жизней...
Безгрешен?
Не доступен ни стыду, ни сраму,
В клоунаду подался – в рекламу.
Спас себя, спас родных и жену.
Но не спас от позора страну.
Вдохновленный
То займом, то траншем.
Но начало положено раньше...

5

Вокруг абсурд, вокруг обман.
Как вихрь,
Как смерч,
Как ураган –
Бунт,
С терпеливостью коровьей.
Пугач кремневый, ятаган –
Клинок в крови.
Средневековье...
Дрова на вес –
И продают!

Смешно:
Весы – и пень корявый.
Мальчишки с ведрами снуют.
Водой торгуют.
Кто здесь правый?
Тот, кто за нас,
Или они?
Кто днем тебе рукою машет,
А ночью враг?
Лицо в тени,
Набит, как гречневою кашей,
Нечистый рот гнилых зубов.
Раб божий...
Братская любовь...
Интернациональный долг!
Я задолжался?!
Был бы толк,
Оплатим, как ни будет тяжко.
Смотри под ноги.
Просмотрел –
Не ровен час...
Кругом растяжки,
Засады, мины,
Самострел.
Сегодня цел,
Будь завтра целым.
Столетний «бур» -
И тот с прицелом.
Под пальцем спусковой крючок

И черный глаз под черной бровью,
Лицо забрызганное кровью.
Средневековье!
Время вспять.
И в этом хаосе опять
Год, два, три, пять
Стоять, стоять.
Еще стоять, как пес у двери.
И не объять, и не понять,
Не разобраться, не проверить,
Не уяснить, в чем смысл,
Где связь.
Не растащить всю эту грязь.

Зачем война?
Зачем потери?
На что списать боль матерей?
И сколько можно в Бога верить,
Когда он глух?
Когда скорей
Он слышит перезвон стаканов
В хоромы «маленьких царей» ,
А море слез и бед барханы
Не замечает.
Баи, ханы,
Князья, паны
Моей страны!
Как вы велики, сколько спеси.

И как вы дурите народ.
И сколько ваше слово весит,
Когда вы лжете?

Снова год
Прошел, и не было добра.
И снова год...
Гора, гора,
Хмарь поднебесная и круча.
Внизу, как выкрашенный в лак,
Разбросанный рукой могучей,
По склону горному кишлак.
И ничего.
Ночами мрак.
Ни огонька в подобии окон.
Только случайно, боком, боком
Скользнет в жилище чья-то тень.
И снова пусто целый день.

Мы здесь прижились.
Ночь.
Светает.
За кишлаком гора,
За ней
Огромной дыней вырастает
Диск Солнца.
И еще темней
Мне кажется внизу ручей.
В ущелье...

Он сейчас ничей:
Мы зачерпнем воды, они.
Так проходили эти дни.
Сколько их, разных пролетело,
В одно мгновение слилось?
Прижились к горам
Мозг и тело.
Немного притупилась злость
Без взрывов и горящих шин.
У трех вершин...

6

У трех вершин,
Год с небольшим.
Нормально...
Только как-то гадко.
Размеренность,
Жить не спешим.
На всем лежит печать упадка.
Здесь нет напыщенности лиц
И животов в тепле мундира,
Которая в огнях столиц
Цивилизованного мира,
Которая горит в глазах

Отяжелевших бюрократов.

С натугой, зло,

Неоднократно

Роня слизь на скользкий склон,

Ползет

Тяжелая, как слон

Громада туч.

Хрустит арбузно.

Переворачиваясь грузно,

Сжимаясь, сталкиваясь,

Прет

В ущелье.

Льет

Косым дождем.

Брюзжит вальяжно.

Противным голосом орет

Внизу ишак.

В землянке влажно.

Болею...

Почечная боль,

Колени ломит.

Ля-бемоль

И фа-диез...

Орет, скотина!

На языке как будто тина,

Сглотнуть нельзя.

Тенгиз, детина,

Огромный сван,

Внес котелок.

На рыжем «ежике» - дождевики.

Сырые, грязные ботинки

За «сорок шесть»...

- Вам нужно съесть

Чего ни будь.

И выпить чаю.

Я иногда здесь получаю...

Посылки.

Заварил травы...

И капли с рыжей головы.

Из фляги спирт

И кружку «сонной дряни».

Проснулся.

- Что?

- Товарищ лейтенант...

Стоит сержант, к панаме руку тянет,

Нам вместе с ним чуть больше сорока,

А я ему отец и мать, -

«Батяня»

- К вам просится мулла из кишлака!

Болит все тело.

- Что еще случилось?

- Мулла, старик...

Мы обыскали – чист.

У них такое дело,

Получилось

Что будто из-за нас...

Артиллерист,
Саид Намозов,
Он нам переводит.
Из-за «бугра» сюда
Кале – Кудус ¹ ,
Плешивый черт,
Привел людей
И вроде
Переправляет очень ценный груз.
Бандит, нет места
Для клейма и пробы.
- В такое время?
Холод у дверей.
- Наверно так задумано.
И чтобы
Здесь проскользнуть
Надежней и быстрее,
Ведет с собой помещика – арбоба ²
И взял в заложники у деда дочерей.

Неяркий свет
Как будто бред:
Год без каких-либо контактов,
И вдруг мулла,
Кудус - валет,
Плешивый черт.
И не понятно,
Какой еще желать сюрприз.

А... предприимчивый Тенгиз.
Его посылки...
Есть зацепка!
Кале – Кудус, плешивый франт...
- Что ж, приведи муллу, сержант!

Пришли.
Пригнулись на пороге.
Сержант, мулла,
Потом конвой.
Так, правильно.
Порядок строгий.
Старик высокий, чуть живой
Прошел вперед
И с полдороги,
Вдруг бухнул в ноги головой.

Страна, страна...
Опять война!
И тишина
Нам только снится.
Сидит, играет Сатана
С нами в войну,
И шерсть лоснится
От теплой крови

На руках.
Из скорби в скорбь,
Из праха в прах!
Слепой, глухой небесный пастырь,
Хозяин всех дорог земных,
Всепомогающий, как пластырь,
В чумных бараках,
В снах чумных,
Давлеющий мечом и словом
На наши глупые мозги,
Кощунствую
Умом соловым,
Но все равно, -
Дай, помоги!
Их сотни три –
Нас сорок восемь.
Плюс пять декхан, ³
Мулла, старик.
Да плюс мальчишка.
Что попросим
Мольбой, срывавшейся на крик?
Благодарить, что мы живые?
Сейчас,
А в завтрашнюю ночь?
Прислать «вертушки» полковые?
Как можно с воздуха помочь,
Когда ночные тени быстры?
Когда они в горах живут?

Когда профессора, магистры
Разбойных дел
Придут, взорвут,
Потом исчезнут, не прощаясь,
С другого фланга возвращаясь?
- Ну, ладно...
Спал или не спал?
Решений много,
В полк сигнал:
К утру взять роту из резерва.
- Кале Кудус...
«Нашелся», стерва!
Я знал его еще с равнины,
Когда он ночью ставил мины,
А утром подносил «сюрприз» -
Хлестнет огнем - и сразу вниз,
Нырнет в спасительный кяриз ⁴ !

Встряхнул рукой:
Часы идут?
А «братъ» их нужно ночью, срочно.
Пока они еще не ждут.
Должны сынишка или дочка,
Когда в селе уснут,
Пусть подождут и полоснут

По нашей стороне лучом
Фонарика -
И мы начнем.

Бой.
Горы ночью.
Штык и стоны.
Не просто так –
Свои законы...
Бесшумно пробираясь вниз
Сосредоточенный Тенгиз
Рванулся вдруг между камней.
Удар,
Потом еще, сильнеей.
Потом еще...
Привык к горам.
Ему шуметь и стыд и срам.
Большие легкие легко
Качают воздух.
Далеко
Он может так еще дойти.
Дойти, сметая на пути
И часового, и двоих.
Рывок, удар – и «дух» затих.
В окно, на храп
Швырнул гранату.
Еще одну –

Огонь и крик.
Осколки рвут чалмы, халаты.
Собаки, визги, брань.
Старик,
Мальчишка...
- Это раз :
«Черт с бородой» - кошмарный глаз,
Как с «мясом» вырван.
Чем то машет.
Штыком под ребра,
Наотмаш
В лицо прикладом.
Увернулся?
Замах, подсечка, в пах ногой.
Остановился?
Что, споткнулся?
Ну, этот все.
Теперь другой.
К нему, а ноги как из ваты,
И воздух булькает в груди.
Залп минометный, взрыв гранаты.
Труха и щепки!
Погоди,
Рассеем всех, накроем метко.
Смотрю направо :
Что за «зверь»?
Вращаясь, прыгает жилетка
Без рук, без ног.

Поди, поверь,
Что только что здесь был мужчина,
Здоровый «бык».
Из бороды
На камни – кровь,
Ползет причинным
Нечистым местом.
Смрад и дым
Из той воронки, где он скачет.
А у двери девчонки плачут.

Закона нет.
Закон – война.
Закон – ударить побольнее.
И, наработавшись сполна,
Прийти, умыться
И сильнее
Руками голову сдавить.
Забиться в угол и завывать.
Кому ты нужен дома,
Пахарь
На ратном поле?
Почему
Ты служишь – пашешь?
Сладкий сахар
Жизнь офицера?
Как ему

Добыть себе на хлеб, на соль?
И где спасенье?
Алкоголь?
Напиться, выспаться и снова
Сдоить,
Как дойная корова,
Свой пот и кровь?
Прими, бери.
А если нужно – говори.
Мы безотказны.
Мы добавим.
А дома как?
Как пашем – правим?
И вот, доправились до дна!
А нам награда – седина.
А нам награда – боль и раны.
А нам награда – крик души.
И деньги, жалкие гроши.

Пустая комната темна.
Огромный дом –
Почти руины.
Закреты двери.
Из окна
Сквозь пыль, сквозь клочья паутины –
Пожары.
В красном витраже
Вам видно, кажется, уже,
Что ноги ставят шаг чеканно.
А на столе, вокруг стакана
Жиреют в праздном кураже
На хлебных крошках тараканы.
И тащат все.
- Твое, мое...
- Бери, пока хозяин спящий.
Хватает, давится, жует.
И снова, с душу ледящей
Циничной наглостью хрипит :
- Бери, пока хозяин спит!

Толпа
Берущих и дающих,
Бесстыжий и продажный сброд.
Снующих, лгущих, жрущих, пьющих

И обирающих народ.
Пристроились.
Тепло и сыро.
Возможностей –
Не передать.
Пройдоха, лицемер, проныра –
Почет и льготы.
Благодать!
Счет за границей и квартира.
А если знать, где сколько дать,
То можно
Все вокруг продать.
И кто посмеет упрекнуть?
Тот, спящий?
Он не заикнется.
Он только может спину гнуть,
Или немного припугнуть,
Когда во сне перевернется.

Нет!
Он уже как на гвоздях!
Вздохнет, от гнева содрогнется.
При этих ли, других вождях
В очередях, на площадях –
Он обязательно проснется!

Увидит:
Полки и столы,

Машины, склады, банки, дачи;
Тех, кто не стоит и метлы,
Но о политике судачит;
Тех, кто не сеял и не жал,
Но, не задумавшись, сажал
И не считал пайки и дни;
Не видел газовых забоев,
Не видел с танковой брони
В пустыне небо голубое;
Спал по ночам,
Не жил в «шанхаях».
Кто на Багамах отдыхает
И виллы, будто Колизей.
Кто, как дебильный ротозей,
Льет окопесу с экрана.
И новоявленных «друзей»
Талмуда, Библии, Корана.
Проснется,
Поздно или рано.
Проснется.
- Кто здесь? Тараканы?
Вскипит в одну минуту злость.
- Да сколько вас здесь развелось!
Как я беспечен был, уснув
И не потребовал ответа!

Смахнет их наземь
И, смахнув,
Прихлопнет всех одной газетой.

8

Мир охватила тишина.
Земля
Параличом разбита.
Врасплох застигнута она
На скользкой крутизне орбиты.
Повисли звуки, не упав
На снег волной многоэтажной.
Сухого тополя рукав
Роняет в полночь
Лист бумажный.
Хранит пробоины душа,
Как вены узелки уколов.
И обнесла ее парша
Кольцом
Неровностей и сколов.
И перезревшее вино
Давно закреплено и слито.
И укупорено.
А дно –

В досадной грязи...
И покрыто
Огнями ночи
То, что днем
Мы так удачно накопили.
Как пересохший водоем,
Лежим в пыли.
Заносы пыли.
Заносы, залежи, завал.
И вот, добрались -
Перевал!

Перевалили.
Все.
Граница,
Граница...
Сколько новых лиц!
Толпа бушует, шевелится
Волною лжи и небылиц.
Грозь критической массой,
Перед кормушкой, перед кассой,
Глупа, капризна и пуста.
Гримаса – гнев,
Любовь – гримаса.
Необучаемая раса.
Меня клятвы и цвета,
Она – святая простота
С прозрачной сущностью астральной.

Но все вокруг материально.
Материальны деньги, пушки.
На рынках –
Нищие старушки,
Миллионеры и жулье.
Граница.
Каждому свое.
Не счесть светил, стабильна вечность.
Она, как грязное белье
Уложит глупость и беспечность,
Халатность и прямой расчет.
Потом разметит, рассечет,
Чтоб видеть винтики и роли.
Но мы заплаты отпоролы,
Потом пришили к новой рясе -
И разбежались восвояси.
А позади
Штыки и плети.
И били нас, и волокли.
На рубеже тысячелетий
На власть кого-то обрекли.
Свободу поднесли на блюде :
Берите, люди,
Ешьте, люди.
И будь ты...
Счастлив!
Будь богат,
Употребляя суррогат.

Удобно дать,
Забрать удобно.
Но получилось несъедобно.
Не доросли мы до свободы.
Привыкли слушать и зевать
И, безразличные, кивать.

9

Не убрано.
Трещит под каблуком.
Чужое все.
Остались только мысли.
Куда мир катится?
Летит огромный ком,
Срываясь вниз
И забираясь в высь ли,
По гребешку циклоиды скользя,
Обремененный
Оглавлением и темой.
Здесь все зависимы.
Свободным быть нельзя.
Мы можем быть раздавлены системой.
Она следит за каждым и блюдет.

Кто там?
Кто выделяется из стада?
И каждый знает, что произойдет.
Она всегда обезголовить рада.
Стереть, заштриховать, сошлифовать.
С системой неудобно воевать.
Или ты с ней, безвольно спотыкаясь,
Или ты выброшен.
Системе наплевать,
Какой ты есть.
Спокойно отрекись
От одного,
Она ведет других
Еще не оперившихся, нагих,
Нагих духовно.
Роботов, машин,
Гудящих у подножия вершин,
Как правило, сраженных наповал,
Так и не перешедших перевал....

Кале – Кудус.

Абдул Кудус по кличке Кале – плешивый. Полевой командир одного из отрядов моджахедов. Реально существовавшая личность.

² Арбоб - землевладелец, помещик.

³ Декханин – крестьянин.

⁴ Кяриз, кяризы – система соединенных туннелями колодцев вдоль русла рек. Предназначены для водозабора.

СОДЕРЖАНИЕ

Секрет верности

Ни для кого. Есть только ты одна.	4
Опять приснилась! Что это такое?	6
Сухая осень. Листья, будто гости,	8
Сложилось так, что не сложилось... ..	10
Решилось все само собой.	12
Я без тебя умру. Просто погаснут очи... ..	14
Был один на целом свете... ..	15
Кружится, все здесь кружится.	16
Собрались к ночи не небе тучи... ..	18
Все, что осмелилось родиться,	20
Не избалована. Терпеть и ждать... не плача.	22
Какая бурная весна!	24
Мне холодно. В груди осколок льда... ..	26
Знаю, что без меня... ..	28
Когда полночная звезда... ..	30
Из жизни вычеркнуть, забыть, перекреститься!	34
Что случилось, почему все кружится?	36
Тропочка кривая, кочки да кусты.	37
Песок недвижим. Волны, волны... ..	38
За крепью глыбы, груды, плиты.	40
Как жаль, что мы не сможем вечно... ..	41
Дождливым днем, морозным утром, в летний вечер,	43
Какое имя, нежность, ласка, прелесть!	45
Над домом, у крыльца и над дорогой,	46

Все пройдет, забудется, наскучит.	47
В середине крошечной поляны,	48
Ветер сморщил воду... ..	49
Холодный сруб под подбородком.	51
Вы помните? Ах, эта память, да?	52
Как тепло! Твоя голова лежит на моей согнутой руке.	54
Тяжелая зима прошла... ..	55
Удар, нежданно, неожиданно... ..	57
Я умер. Сердце не стучит,	58
Не кричи, не зови,	59
Смешно? Смешно... ..	60
Не беспокойся ни о чем.	61
Стекло разбилось... Трещина и скол.	64
Все перепуталось: Чет – нечет, да и нет.	68
Остановитесь у черты.	71
Все не поднять. И не перенести.	74
Утихнет боль. Обида притупится.	76
Остановись, дай мне собраться с мыслями.	77
Закружилось, понесло,	78
Как имя, сущего в веках,	80
На юге юг. На север – дом.	82
Визг рикошета. Как иглою слух прошло.	84
Не отдаю себе отчет.	86
Вот так... Чужой! Такие, брат, дела... ..	89
Закружился! Суета сует.	91
Оторвался, понесло... Не спрашивай!	93
Стена, Стена и пелена.	97
Боюсь воды. Боюсь огня.	101

Вернусь!

Я обязательно вернусь!	105
------------------------------	-----

Вина... - Невинна, не виновна.	106
Однообразное ничто, которое нельзя измерить.	108
Вопросы... есть? -	110
Задумался... тупой болван!	112
Остерегаюсь видеть сны.	113
Устал... Такие времена!	115
Стена крошилась как краюха,	118
Не превзойти, не объяснить. Не объяснимо.	119
Удобно? Правда?! Вы смелы!	120
Слепой, не вижу? Это свет?	122
Сознаюсь, не всегда, Но изредка, случайно... ..	124
Плесни сюда! Надеюсь, что не яд?	125
Конкретно: да? Конкретно : нет!.....	126
Вы понимаете меня?	128
Я к вам приду. И пусть меня узнают!	130
Я верю, дождь пройдет... ..	131
Пойду... Не буду вам мешать!	133
Из поворота – в новый поворот!	135
Прошу, не нужно обо мне.	136
Доверенность? – Не верю никому!	138
Дожился: мрак! Совем сошел с ума.	139
Мы растеряли, что смогли... ..	140
Конец, конечность, бесконечность... ..	141
Раскудахталась скрипом калитка.	142
Нет, нет, я жив!	143
Сейчас, почти... Переступить черту!	144
Дышать, дрожать, смердеть, ходить.	145
Пустой, пустое... Холод скал.	146
Одинокое, глупое, серое... ..	147
Сначала мысль, искра, огонь.	148
Все просто, если так не усложнять.	150
Прошу, останься! Всду ночь.	151
Всегда так было. Здесь Луна... ..	152

Забросила весна свои частые сети.	153
За спиною крылья, на ногах колодки.	154
Не старайтесь, Бог мой!	155
Белая равнина, белая река... ..	156
Не надеяться, не верить, не проситься!	157
Заржала ночь, дохнула храпом.	158
Лопушенок, пенек, забродившее месиво теста.	159
Упаду, растаю, высохну и сгину.	160
Без специй, без приправы варюсь в чужом соку.	161
Сорвали – ешьте. Зачерпнули – пейте.	162
Уже не больно. К счастью, все прошло.	163
Ни даль, ни бездна... Ничего!	164
Скрюченный, всклокоченный, дом соломой крыт.	165
Нет надежды... Где же ты, надежда?	166
Каждый раз я вижу сон:	167
На постели, дома и на пасху,	168
Так получилось. Опоздал, остыл... ..	169
Запутался в своих следах.	170
Лихое время – лес трухлявых пней... ..	171
Стою, гляжу: по бездорожью... ..	172
Я чужд? Я слишком горд?	173

Знаки

Кипящий свет... О. длинных рук закрючь!	175
Ты кто? – На ощуп мягкий мех,	176
Согласен, правильно во всем.	177

Калечка: - ноженьки кривые,	178
Боже мой, рассвело!	179
Зрачки – не так!	180
Не смотри на меня! Я такой же,	181
Все как у всех.	182
Не обратимо. Еще миг... ..	183
До хрипоты, до дурноты... ..	184
Не верится, что я умру.	185
Глупо, глупо... Ни к чему не приспособленно.	186
Мысль полетом голубиным... ..	187
Четыре герца – забивают сваи.	188
Бокалы. Люди, смех веселый,	189
Перепутанное знамение, перепуганные глаза: -... ..	190
Еще минута пролетела.	191
У... какая вьюга! У... какие зубы!	192
Старичек в сермяжке, в лапоточках,	193
Котелок набит картошкой,	194
Стоит старик – суровый лик.	195
Слава Богу, что закончились дожди... ..	196
Черный, мерзкий, гадкий... ..	197
Гляжу в окно: уже пора.	198
Все временно. Осознаю, что так.	199
Что случилось? От чего неискренность... ..	200
Прошло, прошло... Какой виной... ..	201
Из несравненности – в опалу,	202
Корчма – мослы и чечевица.	203
Просит, плачет любовь.	204
Сон в руку: ночь и волчий вой.	205

Перевал

Часть 1	207
Часть 2	207
Часть 3	209
Часть 4	212
Часть 5	214
Часть 6	218
Часть 7	229
Часть 8	232
Часть 9	235

Художньо - літературне видання

Беспалов Віталій Борисович Секрет верности

У запропонованій читачу книзі зібрані вірші різних років Беспалова Віталія Борисовича, відібрані за певною тематикою.

Беспалов Віталій Борисович – шахтар з тридцятирічним стажем. Працював на різних посадах на донецькій шахті імені А.Ф.Засядько. Раніше друкувався в періодичних виданнях, колективних збірниках. Видав книгу перекладів на російську мову віршів української поетеси Олени Теліги.

«Секрет верности» - це перша самостійна Робота автора.

Листи, адресовані автору, відсилати на електронну Пошту bespaljv.vinalii@mail.ru